

ЗБІРНИК

ІНГУЛЬСЬКИЙ СТЕП

Історія – Джерела – Краєзнавство – Родовід — Спадщина

V ВИПУСК

Видавництво

Львів, 2020

ЗМІСТ

Слово видавця	4
I. ІСТОРІЯ	6
Олененко А.Г., Пивовар А.В. До історії першої Новоросійської губернії при запровадженні в 1776 році повітового устрою	7
Рудакова (Мазур) Л.М. Екстракт Військової колегії часів Павла I про колишнє Новосербське поселення	36
Пасічняк О.М. Історичний огляд Шамівської церковно-вчительської школи	50
II. ДЖЕРЕЛА	64
Пивовар А.В. Секретні папери генерал-поручика В.Наришкіна стосовно срібних руд при Інгулі та укріплення прикордонних форпостів	65
Пивовар А.В. Кілька документів з історії Запорозького Війська та його вольностей в останній рік існування	124
Пивовар А.В. Відомості 1815 року про церкви Катеринославської єпархії у повітах Херсонської губернії з додатком описів архівних джерел	136
Гуменюк Є.М. Релігійні громади та служителі культу Зінов'ївської округи в другій половині 1920-х років	252
III. КРАЄЗНАВСТВО	299
Васильченко В.Г. Заселення польського прикордоння в межах Смілянської волості в другій половині XVIII століття (сучасна Новомиргородщина)	300
Сіренко С.В. Пісні села Велика Виска: з експедиційних матеріалів Олександра Русова	315
Жосан О.Е. Архітектурний ландшафт Єлисаветграда – Зінов'ївська – Кірово – Кіровограда у першій половині XX століття	321
Мельник О.О. "Військово-троцькістська змова" у 41-й стрілецькій дивізії	334
Гриценко В.П. Розвиток освіти в селі Бокове	346
Маруценко В.Г. Населеним пунктам Долинщини почали повертати історичні назви	376
IV. РОДОВІД	379
Сердюк В.А. Художник Іван Савенко та його рід	380
Шляховий К.В. Дворянство Єлисаветградського, Ольвіопольського та Херсонського повітів при відкритті у 1803 році Миколаївської губернії	390
Пивовар А.В., Рудакова (Мазур) Л.М. Сотські, десятські та інші виборні посадові особи 1860 року в волостях 1-го округу Херсонського поселення	399
Саєнко І.М. Солодкий напій гіркої полину, або автобіографізм у поезії Петра Косенка	425
Чарута А. Як знайти голку в сіні, або історія пошуку одного з першопоселенців села Бокового Долинського району (друга половина XVIII ст.)	434
V. СПАДЩИНА	444
Пивовар А.В. Публікація А.Полницького про гайдамацький напад в Ягідній долині	445
СТИСЛИЙ ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК	470
УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ для продовжуваних видань, архівних та інших установ	492

Пивовар А.В., м. Київ.

Публікація А.Полницького про гайдамацький напад в Ягідній долині

Готуючи матеріали про мережу форпостів на території краю у 1760-1770-х роках, розміщені на сторінках цього збірника, в пам'яті невимушено зринали деякі епізоди з їх функціонування, зафіксовані у чисельних архівних документах та публікаціях, що стосуються як згаданого періоду, так і часів, які йому передували. До таких, зокрема, належить і яскраво описаний А.Полницьким у відповідному випуску "Киевской старины" за 1889 рік інцидент мало не міжнародного масштабу, що стався при гайдамацькому нападі в карантинному форпості при Ягідній долині біля Келебердянського Омельника у далекому 1750 році. В черговий раз згадати про перебіг всіх обставин цього інциденту дозволило ознайомлення з факсимільною підбіркою публікацій А.Полницького на сторінках Київської Старини, упорядкованою Олександром Чудновим (Анатолий Ксенофонович Полницкий. Исторические повести и рассказы. Собрал и издал Александр Чуднов. – Елисаветград, 2020. – 228 с.), перша з яких присвячена саме висвітленню подій у карантині при Ягідній долині.

Нападение гайдамаков на карантин в Ягодной Долине в 1750 году

I.

Полоса земли от Синюхи до Днепра по над Высью, Ирклейцем и Тясмином после турецкой войны, с 1740 года, причисленная к малороссийскому Миргородскому полку, еще раньше того, во время пребывания Запорожской Сечи в Алешках, в приднепровской своей части заселилась выходцами из обеих Украин – правобережной и левобережной, – так что еще в первой четверти XVIII ст. здесь возникли хутора и села: Омельник, Каменка-Потоцкая, Крюков, Цыбулев, Усовка, а с 1740 года основаны были: Петроостровский форпост на Выси, Архангелогород на Синюхе и Орловский шанец (ныне Ольвиополь) у устья Синюхи на границе с Оттоманской Портой; впоследствии, в 1753 году, на Ингуле, в 40 верстах от его истоков, положено было основание крепости Св. Елисаветы (ныне Елисаветград).

Полоса эта – ныне северная часть Елисаветградского и Александрийского уездов Херсонской губернии – лежала на пути из Крыма и Запорожской Сечи в Гетманщину, в Киевское и Брацлавское воеводства и Киев; правда, был еще и другой путь из Крыма в Киев – чрез Очаков, Бендеры и Подолию, но он был весьма длинен и по нем следовали лишь в крайности; отсюда много шляхов пролегало тогда по этой нолосе, из которых одни были в западной ее части, другие – в восточной. От Никитина-Перевоза и Переволочны шляхи направлялись вдоль Днепра к речке Омельнику; от Омельника вблизи теперешнего села Павлыша расходились на несколько, из коих один шлях вел к Кременчугу, другой же, мимо хутора Зенцова, к Чигирину, третий мимо вершин Ингульца и Ингула – к Петроострову, четвертый чрез Шведскую балку и речку Ингулец между селом Звенигородкою и городом Александрией к Очакову. В западной части этой полосы одни шляхи шли к Выси, другие – к Синюхе¹.

Край этот – от Синюхи до Днепра – не менее важен был и в стратегическом отношении: здесь Российская империя стояла лицом к лицу с Речью Посполитою и Оттоманскою Портой, с которыми предстояло свести свои исконные, традиционные счета.

¹ Осадчий городок Архангелогорода, козак Миргородского полка Давид Звенигородский, в 1743 году так докладывал миргородскому полковнику Капнисту о значении этого городка и его окрестностей: "Тут проезд чрез границу и дороги лежат в четырех местах, – первая при городке Архангелогороде и чрез Синюху перевоз паромами, который перевоз содержат от польского местечка Тарговицы (Тарговица на правом берегу Синюхи против Архангелогорода – нынешнего Ново-Архангельска), вторая по правую сторону городка в 20 верстах чрез Высь, где и моет есть; третья от того мосту вверх по Выси в 40 верстах при впадении в оную Турей, тут – брод; четвертая – по левую сторону городка вниз по Синюхе в 70 верстах "Уманская" (это Шпаков шлях, который шел на Умань, названный так потому, что по нем в начале XVIII века хаживал Федор Шпак – подручник Палея, один из предводителей народного возстания в Подолии, промышленявший, между прочим, и грабежем), где чрез Синюху брод Костевской; и по означенным дорогам проезжают купецкие всякие люди, из Польской области жиды и польские обыватели в Турецкую область, в Крым, и Белгород, и Очаков, и в Запорожскую Сечь, и с юга греки, армяне и волохи в Польшу со съестными припасами, виноградными винами, сукнами и прочими разными товарами" (ЗОИД, т. 14. – 1886, с. 336).

Край этот был приманкой и для гайдамаков; здесь по многим шляхам проезжали торговые люди, отсюда открывался широкий путь в Польшу, и к волохам, и в область Турецкую; многочисленные балки да овраги, в то время поросшие терном или камышем, и дремучие леса всегда были для них надежным убежищем².

После этих общих замечаний мы расскажем о том, как действовали гайдамаки на пространстве между Бугом, Синюхою и Днепром в 1750 году, какой имели успех в погоне за ними сыскные команды, как подвизались следственные о гайдамацких деяниях комиссии, как Миргородская полковая, Генеральная войсковая и Киевская генерал-губернаторская канцелярии относились к их продерзостям.

II.

В 1749 году в Крыму свирепствовала опасная болезнь – чума или холера; тогда "в осторожность от опасной болезни за силу указов е. и. в. Елисаветы Петровны" учреждены были караулы и карантинные заставы на южной границе Малороссии по обе стороны от Днепра. Карантинные заставы направо от Днепра находились: возле теперешнего села Павлыща в урочище "Ягодная долина" у речки Омельничка³, в селах Крюкове, Крылове и в 40 верстах от Киева – в Василькове; у Синюхина Брода и в Бугогардовой паланке⁴ устроены были карантинные дома. Степные же караулы были расположены: по речке Омельнику от Омельника до Ингульца, вверх по Ингульцу, при вершинах Ингула и Выси. Сторожевую службу в упомянутых карантинах и степных караулах несли козаки малороссийского Миргородского полка сотен: Потоцкой, Кременчугской и Власовской; а ближайшими командирами этих карантинных и караулов были состоявшие под ведением сотников сотенные атаманы⁵.

В феврале 1850 года в одной из упомянутых карантинных застав, что были на речке Омельнике, произошел отменный казус; учинившие казус – гайдамаки; потерпевшие же – крымские татары и партия запорожцев.

Перекопского гарнизона Мухамед-Джан Ага и с ним шесть его товарищей "с купеческим промыслом" ехали в Российскую империю, или иначе везли на продажу бугасовые (бугас – это шерстяная материя черного цвета, чрезвычайно плотная) кафтаны и крымские смушки. Когда же они доехали до речки Омельника, то здесь их задержал степной караул и атаман села Потоцкой Каменки Иван Сандул заключил их 4 февраля 1750 года "в указный карантин", находившийся на речке Омельнике, между теперешними селами Онуфриевкой и Павлышем, в урочище Ягодной долине.

Через два или три дня в компанию к Аге присоединилась другая партия, состоявшая из запорожцев – козаков куреня Ирклеевского: Мусия Караго, Петра Малаго, Павла Цыгана, Аврама Нагайца, Романа Луни, Михайла Заволоки, Миколы Крочака, Якима Медика с товаром – "с рыбою осетрами во восьми возах", да Незамайковского куреня Наума Носа с товариством – "с солью в пяти возах". Каждую фуру с осетрами везла тройка лошадей, а у Наума Носа с товариством было десять лошадей; запорожцы направлялись в Миргород на ярмарку, бывшую там в последних

² Таковыми были: Черный лес, Чуга (оба эти леса и теперь занимают несколько тысяч десятин земли и находятся в сев.-вост. углу Александровского уезда, начиная от Знаменки к Цыбулеву и далее), крутые и глубокие балки по рекам Омельнику, Ингульцу, Ингулу, Сугаклею и Добрянке возле Синюхи; а если сыскные команды были уже очень деятельны и почему либо не давали гайдамакам в их убежище покоя, то они находили себе более надежный приют в запорожских владениях вблизи устья Синюхи, на скалистом со многими пещерами Мигейском острове на реке Буге – исконном сборном месте гайдамацких скопищ; здесь была своего рода гайдамацкая сечь – с атаманами (ватажками), пушками и засеками; сюда в первой половине XVIII века не отваживались добираться сыскные козачьи команды.

³ Река Омельник впадает в Днепр между м. Мишуриной-Рог и сел. Калужино; речка Сухой Омельник впадает туда же между селениями Успенским и Дериевкою; ручей Омельничек впадает в Сухой Омельник у самой Онуфриевки. Балка Ягодна идет в Сухой Омельник с левой стороны возле селения Павлыща, которое находится в 10 верстах от Потоцкой Каменки и Крюкова.

⁴ Буго-гардовая паланка – запорожские земли на левом берегу Буга (правый принадлежал татарам); там, где теперь село Богдановка Ананьевского уезда Херсонской губернии, был Запорожский гард, в коем жило начальство, ведавшее эти земли: полковник, асаул, и писарь.

⁵ Малороссийский полк делился на несколько сотен; сотня, как земельная единица, состояла из нескольких сел, хуторов и местечек; сотнею заведывал сотник.

числах марта, предполагая там сбыть и рыбу, и соль. Но как Аге не суждено было перешагнуть Ягодной долины, так и запорожским осетрам не удалось побывать в Миргороде, потому что когда запорожцы, следуя по "великому шляху", приехали в урочище "Ягодную долину", тотчас Иван Сандул остановил их и предложил остаться в указном карантине. Козаки открещивались от карантина и говорили, что они едут из места благополучного – прямо из Сечи, в доказательство чего предъявили свои паспорта.

Но атаман Сандул твердо исполнял свою карантинную службу: раз получил он из полковой канцелярии такую инструкцию, чтобы не пропускать ни конного, ни пешего, следующих со стороны Крыма, – то он не полагал никаких исключений, даже и для своего брата – козака, и сколько ни просили запорожцы о пропуске их чрез карантинную заставу, сотник оставался глух и нем: паспорта от запорожцев отобрал и засадил их в указный карантин.

Таким образом, запорожцы остались в карантине и, вместе с татарами, вынуждены были коротать свое время. У запорожцев кстати имелся изрядный запас "тютюну и горилки", почему они смалили люльки и тянули горилку, да иногда тараторили с толмачем, находившимся при татарах; с татарами же особенно не сообщались, так как они – бусурмены и речи козацкой не понимали, знай себе пьют мерзкое кобылье

молоко и едят лошатину, впрочем, Ага иногда развлекал Караго, Носа и прочих, – показывая им свое добро: кафтаны бугасовые, смушки крымские, сабли турецкия, ружья, пистолеты и седла. Запорожцы кое чем соблазнились: купили пять седел, несколько смушков, сабель и ружей.

Так проходили дни за днями. Наум Нос не беспокоился за соль, а Мусий Карый беспокоился, – он с товариством частенько поглядывал на своих осетров.

– Колыб не зпаскудыло... говорил Мусий, оглядывая возы с рыбой.

– Эге, як подме низовый!... Гляды, видкиля и визмещя!... говорило товариство.

Но низовый не дул и осетры пока не портились.

– Де-що продамо по дорози и у Кременчузи, а то вже у Мыргороди всіх роскуплять! Та ще времня таке пидходяще – пист! Хапатымуця та ще он як за таку добру рыбу!... Днив ще мабуть зо тры, та вже и сидинню тому буде кинець!...

Так думали и гадали чубатые запорожцы; но случилось иное – в одну роковую ночь все планы их были разрушены.

III.

В ночь с 27 на 28 февраля Микола Крочак, Яким Медик, Михайло Заволока и двое товарищей Наума Носа находились в селе Потоцкой Каменке; а в карантине при возах оставались шесть "старых" апорожцев с двумя хлопцами. Вблизи запорожских возов – саженьх в 30 – стояли татарские кибитки; несколько поодаль от товара помещались совместно татарские и запорожские лошади и их оберегал только один татарин. Недалеко от табора – "не далее как в полторы гон" – возле Стрелецкого мостка стояли на страже пять человек козаков: четыре пеших и один конный. – Это был караул, "учрежденный и поставленный атаманом Сандулом для бережения запорожцев и татар".

Уже давно погас сумрачный февральский день; кругом была гробовая тишина и так темно, что хоть глаз выколи.

Татары уселись в кружок, жарили да ели шашлык, запивая его кумысом, одному только Аге что то не елось и не пилось; он говорил, что на него напал какой то страх, что он среди всей этой обстановки чувствует себя как бы под гробовой крышкой. Слушая такие речи, товарищи перекинулись одним – другим словом и замолчали; умолк и Ага, погрузясь в какую то думу. Остальные татары тоже чего то насупились, повесили носы и учащенно дымили из трубок. Взгрустнулось и юркому говорливому толмачу. Он то с тем, то с другим товарищем заговаривал, но беседа что то не клеилась. Чтобы размыкать напавшую на всех неопределенную тоску, отправился толмач к запорожским возам. Здесь было не то, – здесь речи рекой лились и компания хохотала до упаду: сидя возле костра за вечерей, запорожцы прохаживались на счет Романа Луни, – поймавшего сегодня в Каменке облызня от молодой бабы. Когда к веселой компании подошел толмач, тут сейчас и над ним подтрунили, предложив ему "кулиша з салом". Юркий и находчивый татарин не потерялся, – отпустил несколько прибауток и вступил в разговоры. Разговоры эти были,

должно быть, очень интересны, ибо запорожцы довольно долго балагурили с ним. Когда же татарин – толмач пошел к своей будке, запорожцы тотчас же легли спать.

Толмач, пришедши в будку, перекинулся несколькими фразами со своими товарищами, завернулся в халат и захрапел; захрапели скоро и остальные татары, кроме Аги, – этому не спалось: в голове у него стучало, в ушах звенело, дышалось тяжело, к тому же мрачные мысли одна за другой так и лезли ему в голову; его тяготило какое то мрачное предчувствие – и лишь по временам он впадал в полузабытье.

А в это время на вершине Ягодной долины уже были степные украинские львы – страшные гайдамаки; их собралось 12 человек, теперь они ползли к татарским будкам – и с быстротой молнии нагрянули на спящих татар.

Прежде всего досталось несчастному Аге. Еще когда подкрадывались к шатру гайдамаки, ему послышался какой то подозрительный звук, – он стал прислушиваться, – кругом все было тихо, но где то за будкой опять послышался тот же подозрительный звук. Ага наострил уши – опять тихо; наконец слышит он у самой будки шорох и шепот, схватывается, и с кинжалом в руке, в одной рубашке выскакивает из будки; но едва он успел сделать несколько шагов, как чья то рука всадила ему спис в левое плечо; Ага замахнулся кинжалом, но другая рука вонзила ему снис в правое плечо; завязалась отчаянная борьба; отмахиваясь кинжалом, Ага вырвался из среды убийц и весь окровавленный пустился бежать к запорожским возам, за ним по пятам гнался гайдамак.

Когда Ага сражался возле будки, толмач, заслышав шум, вскочил, чтобы бежать, но едва он уснул сделать шаг, как несколько гайдамаков проникли в самую будку, где наткнулись сейчас же на толмача и нанесли ему несколько ран; но последний как то изловчился и, вырвавшись вон из будки, оставил в их руках свой халат; метнувшийся вслед за ним гайдамак успел лишь схватить его за рубаху, но ловкий татарин вынырнул из рубахи – и голый полетел стремглав тоже к запорожским возам; схвативший рубаху гайдамак побежал за ним; толмач это слышал и кричал о помощи.

– Го – ой!... Алла!... Атаман!... козаки!... ратуйте! Харциз режет!...

Заслышав крик, Мусий Карый вскочил на ноги, как ошпаренный, и видит сцену: мимо запорожских возов бегут два татарина – один весь в крови, другой совсем голый; следом за ними гонятся два человека, все они бегут мимо него – Мусия.

– Кто такой? окликал Мусий.

– Цыть, вражий сыну! И вас вырижем! сердито гаркнули преследовавшие. Услышав такую речь, Мусий оробел, моментально приник к земле, пополз к возам Наума Носа; возы Наума стояли далеко – возле шляху. Добравшись ползком до Наума, Мусий разбудил его, сообщив ему на ухо ужасную весть. Испугался и Наум и не решился идти к возам Мусия. Находясь вдвоем возле шляху, Мусий и Наум не видели, что творилось около возов. А там происходило вот что: толмач юркнул в первый попавшийся промежуток между возами и притаился там; Магмет Ага ворвался в запорожскую будку, где спади два хлопца, и обезсиленный, истекающий кровью шлепнулся прямо на одного из них; хлопец перепугался с просонку, почувствовав на себе тяжесть наваливавшегося тела, и, выбравшись из-под него, с ужасом увидел окровавленного татарина. Разбудивши своего товарища, хлопец во все лопатки пустился с ним в Каменку, "ведомости даваты".

IV.

Пока ночью два вестника спешили в село Каменку, находившуюся в 10 верстах, то скорым шагом, то пидбигцем, в карантине гайдамаки на чисто управились с татарами и их добром. Сначала они принялись за татарские буды: одни из гайдамаков повязали татар и стояли с ножами над их головами, другие таскали все, что было в будках; и как повытаскали все татарские пожитки, то пошли к их лошадям. Бывший здесь сторож татарин спал, гайдамаки разбудили его, – им нужно было выведать, какие из коней татарские и сколько их. Пробужденный татарин сразу узнал, что это харцизы, и наделал крику; его ткнули списом в руку, – татарин вторично закричал; тогда, приставив нож к самому горлу, гайдамаки обратились к нему: "Як ты, собака твоя харя, ще крычатимеш, так ось тобі... так и покотыться погана твоя башка!" Татарин онемел. Над ним сейчас подсмеялись: "Эге, заципыло! Як воды у рот набрала, погана вира!... Вже бильш не будет крычаты!" И стали допрашивать погану виру: "Де твои кони? Покажы! Та гляды – не збрешы, бо мы бачылы ваших коней!" Татарин с полной покорностью показал всех семь коней. Моментально кони были взяты, а татарин связан.

Забравши лошадей, нагруженные татарским добром гайдамаки, как вихрь, умчались и исчезли благодаря ночной тьме. Тем временем караул, поставленный атаманом Сандулом для бережения козаков и татар, сладко дремал на своем посту; не проснулся он и при гайдамацкой расправе, – не слышал он и гука, происходившего в таборе; и только тогда караульные очнулись от сна, когда гайдамаки с добычей уносились в степь⁶.

Таким образом караульные, прозевав гайдамацкий набег, поспешили в табор, где как только все успокоилось и "гук" утих, татары поприходили к запорожским возам "вязаные"; Мусий Карый развязал их и стал спрашивать "пытать": "сколько гайдамаков было и где ваш старший Магмет Ага?" Татары говорили, что "харциз було з двадцать человек, а за Магмета не ведаем, – чы не має межы вашими возами*". Начали искать Агу; нашли его в запорожской будке. Нашедши Агу, татары стали "кликать" его; он был еще жив и сказал: "не пойду отсель, вкрийте мене здесь!" Агу укрыли. Затем вся громада – запорожцы и татары – пошли к татарским будкам, где и застали полное опустошение: из повозок повиытаскано было почти все, кое что было разбросано и валялось на земле. Пошли к лошадям: ни одной татарской "коняки" нет – все забраны, а запорожские на лицо все до одной и стоят на, своих местах.

Но вот снова послышался глухой гул; запорожцы и татары бросились к возам, вооружились – кто ружьем, кто обухом, кто списом; караульные наладились палить; ждут; гул все ближе и ближе, все думают, что гайдамак скачет, но это прибежала татарская оседланная лошадь, вырвавшаяся из рук грабителей.

Одновременно с этим и хлопцы прибыли в Каменку, где сначала бросились к атаману Ивану Сандулу и известили его о случившемся с ними в будке: что туда к ним вскочил весь в крови татарин, упал на одного из них и еле еле проговорил: "харциз режет!" С этим же известием они поспешили к Якиму Медику и прочим его товарищам, ночевавшим в Каменке.

V.

Получив от хлопцев известие, атаман Сандул взял козака и поскакал с ним к Ягодной долине. Вслед за ним помчались туда же Яким Медик с товарищами. Было далеко за полночь. Сандул, прибежав к табору, спросил: где Магмет? Атаману сказали, что Магмет ранен и находится в козацкой будке.

– Що тутечки подиялось таке? спросил атаман.

Ему рассказали о случившемся. Мусий Карый говорил, как его настращали гайдамаки обещанием: "и вас вырижем!" как он пополз тогда к Науму Носу. Наум Нос говорил, что он и Карый не решились вдвоем идти к татарским будкам, так как заметно било, что возле запорожских возов стояли на страже гайдамаки. Остальные четыре запорожца заявили, что они ничего не видели и не слышали, ибо крепко спали в своей будке, а были разбужены Мусием, когда никакого гуку и гайдамаков уже не было. Татары же пристали тут к атаману, единогласно обвиняя запорожцев в том, что будто бы запорожские козаки им "спомоществования дать и мало не похотели, да и лошаде их, на пастьбе ходячие купно з запорожскими, вылуча, угнато, а запорожских ни одного не взято".

Запорожцы сердито заметили татарам, что хотя б они, запорожцы, и не спали, все таки помощи не могли бы дать, ибо гайдамаков было много, и темною ночью пускаться пяти-шести человекам "на ратуваньє" было опасно.

– Та воно так! заметил Сандул.

– Та щож караульні?... Як же це воны?... Деж вони булы?... восклицал он.

– Ось – осьдечки! отозвались караульные и поведали своему атаману, что они стояли каждый на своем посту, а того "гуку", того разбойства никто из них не слышал и не видал, в таборе было тихо; только когда уже верховые бежали к Стрелецкому мостку, то они – караульные – "окликали" бежавших, и те бежавшие, ругаючись, ускакали сечовым шляхом в степь.

⁶ Атаман Иван Сандул потом так описывал поведение своего караула: "Оние караульные чинимого разграбления над татарами не слышали; но как уже з забратими татарскими пожитки гайдамаки ехали прямо к Стрелецкому мостку, то оние караульные 4 человека – как скоро послыхали здалека – окликали: що за люде? а оние гайдамаки, которих немалым числом било, как скоро возможность допустить бегучи, проехали насильно караул, сказивая в сторону: дяволови сыны! и уехали сечовым шляхом в степ; козак, который стоял на карауле влево к гребле Стрелецкой, объявил, что он окликал тех гайдамак: кто идет? и ему говорили: свои! и на Сечевоу шлях прямо в степ отъехали.

– Отто караульні!... и не чулы.... бодай бы вам позакладало!... заметил атаман, выслушав речи своих караульных.

– Неначе оттут як обийшов хтось.... як наворожило щось!... оправдывались караульные.

– Бува!... Чого не бува на свити божому!... глубокомысленно заметил Роман Луня.

Тем временем, когда атаман Сандул "извещался о случившемся", подоспел к табору и Яким Медик. Он сейчас полез в запорожскую будку и стал "ворушыть" лежавшее здесь тело; тело было холодное и не издавало ни единого звука.

– От тоби й на!... иже Магмет дуба дав.... неживый! сказал Яким подошедшему атаману.

– Що?... Як?... спросил атаман.

– Кажу ж, що ворущыв – ворущыв Магмета, а вин и не озывается!... Неживый!... повторил Яким.

– Та то мабуть вин так злякавсь, що не озывается! заметил атаман.

– А ну, мерщій, розведить вогню! Побачымо по видному, що воно таке и як воно!... приказал он.

Возле возов развели огонь. Запылал костер – и ужасную картину осветил он пред атаманом и запорожцами! В луже крови лежал Магмет Ага, веки у него были полуоткрыты, далее виден был ряд белых зубов, рука со скорченными пальцами несколько приподнята....

– Я ж казав, що вин неживый... одубив... раздался голос Якима среди общего безмолвия.

– Эге, от воно що!... воскликнули некоторые.

Зарыдали татары, увидев мертвым своего несчастного товарища. Перекрестились казаки.

– Так, мабуть, на роду ёму бидному напысано! заметил кто то из них.

– Оце!... Оце!... Ач як!... И караульных поставив... а воно бач воно що!... Оце на лыху годину!... восклицал в недоумении Сандул.

– Бува... ще й не те бува!... заметил преспокойно Роман Луня.

– Треба ж хоч роздывытця, що воно ёму там зроблено! сказал Сандул.

Вытащили мертвеца из будки, положили его пред огнем и стали "роздывлять": между плеч зияли две глубокие раны.

Только что окончили осмотр Магмета, как вдали послышался вой волков. Чубатые запорожцы сняли "капелюхы" свои и перекрестились; им не раз приходилось слышать этот степной концерт, но теперь он казался им более диким, страшным.

– Отто на лыху годину! ще цёго не доставало! Це ж вона, бисова звирюка, теперечкы тичками бига! Колыб коняку яку не вхопыла! говорили они между собой, и для безопасности разложили костер возле лошадей.

Не прошло и получаса, как раздался далеко крик "ау!" Крик повторился несколько раз и замер в дали степной.

– А це ще шо таке?... Це неначе видтыля, де караульні стоять – по той бик яру! сказали некоторые.

– Та неначе видтыля! Мабуть тамечкы щось е?... Заметили другие. – Хыба вовкы пораються!...

– А вжеж на-охляп не крычатыме! сказал Сандул и послал двух козак на разведки.

Скоро посланные явились с третьим верховым, который был из караула, находящегося в 7 верстах от карантина вверх по Омельничку.

– Мабуть чоловик з пятнадцатеро, а може й бильш, выскочыло з яру, та набигло на будку, та увесь харч забралы, як есть усе, що у будци було! объяснил козак атаману Сандулу.

– Та хто ж гукав? Ты такы? спросил Сандул.

– Эге, я ж такы! Мы ж такы – каравульні! Нас тры чоловыки выихало у степ слидом за харцызамы, та як уздрили огныще, тай гукнулы, – сказал козак.

– Та де ж воны?... Як же це воны?... стал допытываться Сандул.

– Хто такий?... каравульні?... в свою очередь спрашивал козак.

– Та ни! Люде ж такы ты, що харч забралы... харцызы?... пояснил атаман.

– Забрали ж харч, кажу ж, увесь; кульбак зо тры, дві буркы, пару чобит, ряднину забрали, казанок був щербатый – и той узялы, та у степ ударылысь сичовым шляхом!... вторично доложил казак.

– Оце лыха годына! Котрый оце рик те гайдамацтво гарцное?!... то було купцив та татарву обдырают, ляхив руйнують, а це вже й на саму сторожу накыдаются...

– Тай не в дывовыжу, що татарву тутечкы полапалы!... перебил Сандула Медик.

– Сказано, темна нич! На лыхого чоловика – воно як раз на руку! прибавил Роман Луня.

– Що там нич!... Ось у день вони шпурхають по степах, як вовкы, – оце гледы видкыля и визьмытыя верховець або двое! Сёгодні два чоловикы заняли нашу коняку; нас четверо вдарылось за имы, гнались верстов з десяток; як ускочылы вони у яр биля Ингульця, так як кризь землю провалылысь! Цилисенький день издылы мы ж такы по-над ярмом – нема тай годи! сказал козак.

– Эге, це ж вони вам и оддячылы за те, що вы гнались за имы, та назырцем издылы по-над ярмом, – мабуть им нудно було сыдиты увесь день у яру!... разсуждал Мусий Карый. С его мнением согласились остальные и решили, что ограбившие караульных были те самые гайдамаки, которые управились и здесь с татарами.

VI.

Дождавшись разсвета, атаман Сандул послал гонцов в разныя стороны для сыскания "разбойного следу", и сам с несколькими козаками пустился на поиски ночных забияк, ограбивших татар и караульных.

Начало было удачное: Сандул вывел след на хутор Зенцов. Потрусилы (обыскали) хутор, – обшарили в нем все закоулки и не нашли нигде ничего подозрительного. От хутора разбойничий след потянулся влево в гребле Стрелецкой, где в ночь на 28 февраля на карауле стоял козак. Отсюда след выбежал на Сечевой шлях – и на шляху исчез.

Разумеется, за ветром в поле ничего было гоняться, – и Сандул поспешил в Каменку, чтобы уведомить поскорее о случившемся Потоцкую сотенную канцелярию.

Сотник Потоцкий Юрий Сахатов, получив 1 марта это известие, того же дня поспешно прибыл в Ягодную долину и здесь лично разузнал о подробностях разбоя и пробыл до вечера, поджидая козаков, посланных Сандулом на разведки. Разсылные, проездив целый день, воротились ни с чем: подозрительных людей они не видели; разездные команды, какие попадались им, гайдамаков не встречали; по балкам, лескам и очеретам пусто. Выслушав такие вести, Сахатов не оставался более в карантине, – постарался поскорее отехать домой, так как и татары, и запорожцы надоели ему своими жалобами.

– Колы вже кинець буде тому сидинню! говорили запорожцы. Мы ж таки люды не абы якы: и папшорты маемо, и хуры маемо – та ще не прости, а з рыбою, та ще он з якою! И коней бильш як тритцятро маемо! Це ж такы не шкуры яки, або мед, а рыба! Як вона лежатыме, так ни на вищо переведеться, пропаде, як собака у ярмарку! Тай худоба стоить такечкы без ниякого дила! печаловались запорожцы.

Сотник Сахатов кое как отделялся от тех и других: татар он утешал тем, что "харцызы" всенепременно будут сысканы и примерно наказаны, что заграбленное их имущество будет найдено, и жалоба на запорожцев и козаков будет рассмотрена; запорожцам обещал скорый отпуск, – говорил, что хотя они люди честные и известные, но как свидетели разбоя – сейчас не могут быть отпущены, без разрешения полковой Миргородской канцелярии.

– Та вже ж оце мы и йидемо у Мыргород, треба ж на ярмарок поспышаты! А як пийде те пысанья, той кинця ёму не буде! Це вже мы добре знаемо, яке те скоре пысанья бува! Мы ж як бы оце прыхалы у Мыргород, тамечкы ж такы прямисинько самому полковныкови усе б и розказалы, що и як подиялось тутечкы з татарами! Так воно дило скориш буде: значытыся, и рыбу продамо, и допросьни речи виддамо!

Возражения запорожцев не убеждали ни сотника, ни атамана, указывавших им, что, быть может, им, запорожцам, не придется побывать в Миргороде, они могут продать рыбу и не доезжая до Миргорода; а выехав из карантина, они тем самым навлекут на себя подозрение: высшие власти подумают, что и они, запорожцы, были в стачке с грабителями; вот уже и теперь татары жалуются, что запорожцы помощи дать не похотели, и в доказательство этой жалобы будут ссылаться на

немедленный отезд их из карантина; на сотника и атамана будут жаловаться татары, что запорожцы намеренно были выпущены, чтобы скрыть следы преступления, сделанного гайдамаками, и советовали кому либо из них отправиться за Днепр и там приискать купцов на рыбу. "И сино буде циле, и козы будут сыти: и рыбу продаете, и в сумнении (в подозрении) не будете!" – говорили сотник и атаман.

– А бодай того сина никому не исты!... Оце, на лыху годину!... И де вона узялася оця татарва, щоб ий добра не було!... Хто варыв, а кому хлыстаты!... говорили запорожцы, хватаясь за свои оселедцы (чубы).

– Пидождемо ще трохы! Побачымо, що воно з того выйде!... поky на погоди стоить, воно щєб то й ничего!... решили они, и стали дожидаться из Миргородской полковой канцелярии резолюции.

VII.

Прибыв домой, сотник Юрий Сахатов, 2-го марта, послал в Миргородскую полковую канцелярию доношение, в котором подробно описал происшедшее в Ягодной долине в ночь с 27 на 28 февраля 1750 года. В конце он спрашивал: "и запорожцев тех содержать ли под караулом, или отпустить их с товарами, якие в них имеются".

Получив упомянутое донесение, полковая канцелярия 5-го марта представила его "в высокое рассмотрение" господину генерал-аншеф кавалеру и Киевской губернии генерал-губернатору Михаилу Ивановичу Леонтьеву, уведомила о том и Генеральную войсковую канцелярию, а Потоцкому сотнику на его доношение "в резолюцию" послала указ, и тем указом "велено" учинить справку и по оной рапортовать, в каком урочище те татары заключены были в карантин, в одном ли месте с ними были запорожцы, каких они куреней и сколько их числом, и караул в каком числе людей учрежден, и для чего разграбление допущено караульными? Потоцкий сотник Сахатов, получив указ, препроводил его каменскому атаману Ивану Сандулу и послал ему ордер с предложением "прислать праведный ответ о нападении на заключенных в карантине татар и о прочем". Таким образом началось канцелярское бумагомарание, на какое ушло чуть ли не три недели.

Татары, предчувствуя, что дело затянется, давно убралась домой, чтобы искать через хана удовлетворения за свои обиды.

Запорожцы, несмотря на карантинную скуку, имели терпение выждать резолюции относительно своего отпуска на миргородскую ярмарку. Правда, не раз во время этого карантинного сиденья, ездили запорожцы в Каменку и здесь приступали к Сандулу с требованием отдать им паспорта и отпустить их; но всякий раз безуспешно возвращались в ненавистный карантин: Сандул паспортов не давал, а указывая на необходимость дожидаться "резолюции", советовал, чтобы двое или трое из них, взяв у него билет, отправились за Днепр да приискали бы там купцов на свои товары – рыбу и соль.

Советов Сандула запорожцы не слушали, ибо свободолюбивые "лыцари" всякий арест считали для себя тяжким оскорблением, тем более, что в паспортах прописано было: "чинить им свободный пропуск".

Безпокойство их возрастало с каждым днем; погода становилась все теплее и теплее и Миргородская ярмарка была что называется "уже на носу". Запорожцы намеревались предпринять что либо решительное и уже стали готовиться к выезду из карантина, – как 16 марта раненько утром явился туда атаман Сандул. Обрадовались запорожцы, когда увидели его – думали, что атаман пришел объявить им отпуск; но он сообщил запорожцам не веселую весть: ему ордером велено, дать праведный ответ о разбое, бывшем 27 февраля; а для сего ему необходимо снять "сказку" с них, яко свидетелей того разбоя; сию сказку Потоцкий сотник сегодня отправит в Миргородскую канцелярию, которая с получением "сказки" разрешит им отпуск. Запорожцы подумали, что и в самом деле это так будет, и успокоились. Допрос был снят, – собственно показание дал только Мусий Карый, как самый почтенный из них и более знакомый с обстоятельствами разбоя⁷.

⁷ Вот текст этой сказки:

"1750 года марта 16, я нижеподписавшийся козак Сечи Запорожской Ирклевского куреня Мусей Карый сказкою показал", – так начинается показание, – и показал Карый следующее: "будучи в карантине посажений в урочище

Сняв допрос, Сандул сейчас метнулся в Каменку, написал репорт, в коем изяснил о поведении своего караула⁸, в каком урочище были заключены татары и запорожские козаки, и ходатайствуя о последних, писал, что затруднительно задерживать их долее, ибо у них "товар таковой – рыба осятры", что при настоящей теплой погоде может "прийтись в порчу". К репорту Сандул присовокупил копию допроса, взятого с козака Мусия Карого, а также и подлинные паспорта Наума Носа и Карого.

"Праведный ответ" атамана Сандула, копию показания Карого и упомянутые паспорта Потоцкий сотник Юрий Сахатов того же дня, 16 марта, представил в полковую Миргородскую канцелярию; при чем он "нижайший особливо покорнейше" просил: "объявленных козаков запорожских 13 человек содержать ли под караулом их самих також и товары их, – яко по представлению атамана Сандула имеется в них рыба осятри, которые от нынешнего теплого воздуха в порчу приходят, или как соизволено будет, в резолюцию имею указу" – велеречиво заключил г-н сотник. Но не удалось ему дожидаться указа, запорожцы не затруднились поступить с собою, с товарами и худобою по своему усмотрению.

VIII.

Уже 16 марта значительно потеплело, подул "низовый"; 17-го полил сильный дождь, 18-го днем и ночью стоял такой туман, что на расстоянии трех шагов нельзя было видеть человека; осетров совершенно "спаскудыло"; время Миргородской ярмарки проходило, – терпенью запорожцев настал конец.

– От тоби й те жданья!.. От тоби й зпаскудыло товар не нащо!.. Щоб им добра не було!.. Годи вже цему сидинню! И ярмарок вже пропав, мынувся!.. заорали они, глядя на погоду и на своих поблекших осетров.

Теперь запорожцы отправились к атаману Сандулу с решительным намерением выканючить у него хотя свои паспорта. Явились чубатые запорожцы в Каменку и приступили к Сандулу.

– Доки вже це сидиння та жданья буде? Чого ще ждаты, чого ж це усе сидиты?.. Сказку взяв... товар пропав... ярмарок мынувся!.. Зроблено усе, чого хотилось! Давай нам зараз пашпорты, тай годи! – орали запорожцы.

– Та чого бо мурдуватись?... Бильше ждал! Ще трохи подождить, може й завтра резолюция прийде! А тым часом котри з вас поехали б на той бик, тай знайшлы б тамечкы купчив на товар!..

Ягодной долины; и рыбою в восьми возах, да Незамаивского куреня Наум Нос з солю а тонариством в пяти возах, прошлого февраля 27 против 28 от вишеписаных возов ночевали в селе Камянце пять человека их товариства, а при возах точно было 6, старых хлопцов 2; якого вечера от татарских будок толмач, пришовши к возам запорожским, сидел долгое время; отисшедши к своей будки – точно поснули; и наехали к иим гайдамаки, напали на сонных; и как вырвался з их рук Магмет в едиой рубашки весь в криве, и другой за нем иагий – закричал: "атаман и козаки ратуйте, харциз режет!" и мимо вози запорожские прибежали, за которими оние гайдамаки следом два человека бежало: и как от возов Мусий Карий окликав: хто таков? оние гайдамаки сказали: цить, вражий сыну! и вас вирежем! который, улякшись, впавши на землю, полез к возам Наума Носа: и оттоль з зашляху ие видели оние, как Магмет межи вози вбежавши в будку – тамо сонного хлопца напав, который хлопец спод его вилезши. побежали в двох в село Камянку ведомости давать; и как забрали все пожитки их, пошли к конем татарским те гайдамаки, где будучого сторожа в коней татарина вдаривши списом в руку, то оной крикнул двечи татарин, которому гайдамаки говорили, что не будешь вже более кричать, и питали его татарина: сколько коней? и оной и показал им вси семь; якие забравши те лошади и имущество их, отъехали от оних; и из тих же татарских лошадей една в седле без уздечки вскорости прибежала; в как той гук перестал, поприходивши оние татаре к возам вязани, которых Мусей Карий, порозвязовавши, стал питать: сколько гайдамак било и где ваш старший Магмет? но оние говорили, что харциз було з двадцать человек, а за Магмета не ведаем, – чи немае межи вашими возами? и в будки запорожской зиайшедши, стали оние татаре кликать к себе, который еще жив будучи сказал, что не пойду отсель, вкрийте мене здесь! и как вже атаман камянский по извещению вишеписаными хлопцами з козаком одним к табуру прибежал и питал: где Магмет? кой сказал: в будке козацкой; и приехавши з Камянки Яким Медик, полезши в будку, стал ворущить и повидев, что вже дублен, говорил: вже надежно Мегыет нежив! а отаман Якиме Медику говорил: то, зиять, он улякшись не озивается! и наклавши край возов огонь ввидели, что он иежив стал; и видно на нем било, что его списом вдарито в плечи; что в самую истину сознавши – на том и подписался, не умеючи писания, крестом".

⁸ Караульные – числом 5 человек – чинимого разграбления не слышали и окликали гайдамак уже тогда, когда они бежали с добычею мимо караульных.

А резолюцію, кажуть, тым часом будете мать, – от як невидно вона прийде! Такие советы преподносил Сандул своим пленникам и паспортов им все-таки не давал, так как их у него и не было: они, как мы знаем, отправлены были в Миргород.

– Якои резолюции ждаты? На вищо ии у биса ждаты? Хиба мы харцызякы яки, чы що?.. Годи вже ждаты!.. Мынулось те жданья! Яких у чорта купцив шукаты, тай на вищо? Хиба хто здыхлятыну куповатыме?.. – горячились запорожцы.

– Подаруймо ёму, братци, осятрив... на сніданок!.. Хай подавиця имы!.. – возопил Михайло Заволока.

И братцы метнулись в карантин. Они запрягли фуры; трое пошли за фурами, а остальные десять сели на лошадей и направились к селу Каменке.

Иван Сандул, заметив издали процессию, велел запереть "царину"⁹ и поставил возле нея стражу для недопущения запорожцев в село.

Когда заиорозцы подъехали к царине, то объявили караульным, что они и село разнесут, если только караульные будут им сопротивляться. "Сторожа" оставила свой пост, – и запорожцы торжественно все вместе въехали в Каменку. Медленно шествуя, прибыли они во двор каменского атамана Ивана Сандула и здесь оставили свои фуры и двадцать лошадей, а сами на остальных "верхы майнули" во свояси – в Сечь. Иван Сандул только руками разводил, глядя на всю процедуру въезда и выезда запорожцев. Того же числа, т. е. 19-го марта, атаман Сандул отрапортовал об отъезде запорожцев Потоцкому сотнику Сахатову, при чем спрашивал от него резолюции: что делать "с теми товарами и лошадьми?" Вместо разрешения на рапорт Сахатов 22 марта послал о случившемся "нижайшее доношение" в полковую Миргородскую канцелярию. "Сего марта 22", писал Сахатов, "сотне моей Потоцкой камянской атаман Иван Сандул присланим в сотенную Потоцкую канцелярию доношением представил, что содержимие тамо до резолюции з полковой Миргородской канцелярии запорожские козаки, якие стояли купно в карантине з татарами, тогож 19 марта оные запорожцы вси до единого ввезши насильно в село Камянку вози свои з товари – бросили; коих возов имеется с рибою осятрами 7¹⁰, а из соллю 5, тамож лошадей 20; а под себе взяли по одной лошади верхи и отъехали в Запорожскую Сечь; хотя же атаман Сандул и многажды приказовал им запорожцам, чтобы с них 2 или 3 человек в Заднепрские места за его, – атамана, билетом отъехали для приискания купцов на имеющиеся в них товари, – токмо оние притом ему, атаману, объявили: яко де не точию с нас 2 или 3, но хотя де и всем прикажи и на сию сторону Днепра со всеми возами ити, то де не желаем за тим, яко уже осятров много в порчь сойшло, а другое – за миновением ярманку Миргородского; и требовал атаман Сандул тем своим доношением резолюции; того ради я нижайший о предписанном полковой Миргородской канцелярии в високое рассмотрение представляю, и как о том будет соизволено – в резолюцию ожидать мею указу". Таким образом, Сахатов, не дав атаману Сандулу резолюции, стал дожидаться таковой из Миргорода. Это тем более огорчило Сандула, что ему приходилось теперь нянчиться с чужим добром: с осетрами, солью и конями. Долго упорный атаман не разставался с осетрами, пока они не обратились в гниль, от которой несло на десятую улицу. Тогда Сандул собрал громаду и церемониально – при свидетелях – выкинул осетров туда, откуда они были взяты – в днепровские воды.

Так то пришлось распрощаться с драгоценною рыбою. Миргородцам не удалось покушать запорожских осетров, киевлянам же не довелось и понюхать их, так как дожидсь запорожцы резолюции, пришлось бы тащить их в Киев, вместе с солью, по распоряжению Миргородской полковой канцелярии, которая постановила такое решение: "имея сумнение об вышеозначенных запорожцах, не из согласия-ль их то нападение учинено, – отправить запорожцев со всеми пожитками для надлежащего определения к генералу-аншефу Леонтьеву, яко запорожские козаки в главной команде его находятся. Полковая канцелярия уже изготовила Сахатову ордер, чтобы он

⁹ Царина – это ворота при главном въезде в село; на почь царина запиралась и возле нее находился караул; да и днем при ней стоял сторож и спрашивал незнакомцев, кто они и зачем едут. Царин в селе было две или три, смотря по количеству главных въездов в село. И теперь в Малороссии во многих селах есть царины; при них летом устраивается будка из хвороста или "очерета"; в будке находится старик – сторож, который для общественного амбара отбирает определенное количество снопов от селян, везущих с поля хлеб.

¹⁰ Один воз осетров запорожцы разпродали, бивши в карантине: сюда за осетрами приезжали из Кременчуга.

препроводил запорожцев с осетрами в Киев к Леонтьеву, как вдруг 26 марта получается от Сахатова новое донесение, что запорожцы, оставив свои товары и лошадей в Каменке, "самоизвольно" отъехали в Сечь. Тогда Миргородская полковая канцелярия Потоцкому сотнику "резолуции" никакой не дала, и переписку о разграблении татар в Ягодной долине перенесла в другую сферу.

IX.

В конце марта, когда в Каменке не знали, что делать с запорожскими осетрами и, наконец, ввергли их в Днепр, явился в местечко Поток кременчугский комендант – Киевского гарнизона премьер-майор – Немцев, предъявивший Потоцкому сотнику Сахатову указ. Указ этот получен был Немцовым из Киевской генерал-губернаторской канцелярии и в нем значилось: "по полученному из Миргородской полковой канцелярии донесению ведомо стало, что за Днепром сотни Потоцкой в карантине ночным временем против 28 февраля сего года несколько человек гайдамак, напав на крымских татар, одного татарина в смерть закололи, а двоих ранили и все имеющееся у них имущество забрали; и ему, Немцову, велено тем указом самоточнейше произвести о том следствие на месте".

Немцов и Сахатов, кое как переправившись через Днепр, прибыли в Каменку. Здесь, во дворе атамана Сандула Немцов осмотрел пустые возы, на коих были некогда осетры, поглядел на запорожских коней и отправился к месту печального события – в опустевший карантин при Ягодной долине. Немцову показали места, где находились тогда татарские будки, где стояли запорожские возы, где паслись кони, показали ему и урочище, где был караул в ночь на 28 февраля; посетил он хутор Зенцов; проехался по Сечевому шляху. Завывал ветер в степи, шумели вербы в яру – немые свидетели бывшего разбоя; живых свидетелей – запорожцев не было; о гайдамаках, совершивших грабеж и убийство, и слух пропал, – они как в воду канули. Повертелся – повертелся премьер-майор в Ягодной долине, поразспросил караульных, так искусно стороживших 27 февраля татар и запорожцев, поговорил с Сандулом, затребовал из Потоцкой канцелярии копию показания Карого, получил отсюда же "праведный ответ" Сандула "о содержании оных татар в карантине" и "инструкцию, какова атаману Ивану Сандулу о имении от опасной болезни предосторожности с полковой Миргородской канцелярии дана", – и затем отправился в Кременчуг.

О результате своей поездки в Ягодную долину Немцов немедленно отрапортовал Киевскому генерал-губернатору, – сообщив ему не более того, что писали прежде него в Миргородскую канцелярию Сандул и Сахатов.

В генерал-губернаторской канцелярии в течение апреля ничего не предпринимали по делу о разграблении татар в Ягодной долине, – отложив его до поры – до времени. За то по этому предмету работали в канцеляриях полковой Миргородской и Генеральной войсковой.

Полковая Миргородская канцелярия, получив донесение Потоцкого сотника об отъезде Карого и Носа с товариством в Сечь, припрятала ордер, касательно отправки упомянутых запорожцев к Леонтьеву, и 31 марта послала доношение в Генеральную войсковую канцелярию, в котором, объяснив первоначальный ход дела, писала: "имея сумнение о сих запорожцах, не из согласия ль их то нападение учинено, хотя Миргородская полковая канцелярия определила была отправить запорожцев со всеми пожитками для надлежащего определения к генералу-аншефу Леонтьеву; однак сего ж марта 26 сотник Сахатов присланным в полковую Миргородскую канцелярию доношением – по доношению к нему атамана камянского Ивана Сандула – представил, что те запорожские козаки, сего ж 19 марта вси до единого, возы свои с товары, ввезши насильно в село Камянку, також и лошадей 20, бросили и отъехали в Запорожскую Сечь; того ради с прописанных его, сотника, доношений, також из допросу козака запорожского Карого и из данных им – запорожцам – из Сечи пашпортов копии при сем для разсмотрения представляя, об оном полковая Миргородская канцелярия в Генеральную войсковую канцелярию покорно доносит".

Донесение это было получено в Глухове 9 апреля. Но еще до этого Генеральная канцелярия вознамерилась докопаться сведений о разбое, совершенном гайдамаками в Ягодной долине. В Киевскую генерал-губернаторскую канцелярию послана была промемория, в которой требовалось доставить те самые сведения, каких прежде добивалась Миргородская канцелярия от Потоцкого сотника, и сверх того дан был указ Миргородской канцелярии, коим велено: "ежели востребовано-было для следствия о том кого из малороссийских старшин, також команды для сыску тех гайдамак, все то скоро за получением из Киевской генерал-губернаторской канцелярии указа

исполнять в самой скорости; а до получения того стараться сыскивать тех гайдамак всемерными образы".

Получив сей указ, Миргородская полковая канцелярия вторично сообщает Генеральной канцелярии данные о разграблении татар в Ягодной долине, и только теперь – в апреле – озабочивается "об искоренении и поимке тех гайдамак, кои татар разбили". Для этой цели она снарядила команду из 400 козаков, начальниками которой назначила сотников – городисского Кодинца и крыловского Рудя. Командирам – Кодинцу и Рудю – дана была надлежащая инструкция: "велено им, Кодинцу и Рудю, с тою командою следовать в степные места и тех шатающихся по степу гайдамак стараться всякими удобовозможными образы ловить, и в случае безсилія для вспомошествования давать знать состоящим в Заднепровских местах лантмилицкой и по фарпостам резервной командам; и ежели те воры могли быть где пойманни, забив в ручниіе и ножиіе колодки, не отдавая их никому, под крепким караулом прислать в полковую Миргородскую канцелярию для надлежащего об них по указам рассмотрения и определения; а честним запорожским козакам и по земовникам жителствующим, кои к воровствам и разбоям не косни, обид и разорений не чинить; и за границу, в Польскую и Турецкую области, им сотникам и команде ни под каким видом не ездить и заграничным людям обид никаких не оказывать – под жесточайшим по силе указов штрафом".

Об этом своем распоряжении Миргородская полковая канцелярия не преминула покорно рапортовать, куда надлежит.

Таким образом, только с половины апреля миргородские козаки начали гоняться по степям за гайдамаками. На них собиралась гроза и с другой стороны – со стороны Крыма, откуда крымский хан усиленно требовал удовлетворения за убийство и грабеж, содеянные 27 февраля в Ягодной долине.

X.

Татары, оплавав и похоронив Магмета Агу в Ягодной долине, отправились во свояси – в Крым. Они ехали сюда добрых 10 дней. Добравшись кое как домой при неблагоприятной погоде, они поспешили в Бахчисарай и обратились с жалобой к хану. Они рассказали, как в карантине ночью напали на них харцизы, Магмета Агу на смерть убили, двоих ранили, все товары их, деньги и коней забрали. При этом татары обвиняли атамана Сандула, караульных и запорожцев – Мусия Карого с товариством; по их словам, Сандул умыслил их обобрать и с этою целию задержал в карантине, а запорожские козаки, бывшие в том же карантине, и стоявшие на карауле люди были сообщниками харцизов.

Крымский хан, Арслан Гирей, вполне поверил жалобам своих подданных и немедленно послал письмо генерал-губернатору Киевской губернии Михаилу Ивановичу Леонтьеву. Письмо было написано на татарском языке, а переведено на русский уже в канцелярии Леонтьева.

"В месийской нации, пишет хан, между знатными избранный и в Иуса верующем народе между великими господами славный, ныне Киевский генерал, истинный и высокопочтеннейший приятель наш, Михайла Иванович Леонтьев, жизнь вашу да окончат Бог благостию; отдав вашему превосходительству пристойно дружеское поздравление, чрез сие приятельски уведомляется".

"Перекопского гварнизона Мухамед-джан-Ага с шестью человеками товарищей едучи в Российскую империю с купеческим промыслом к Кременчуку, и как доехав до урочища Эменлык, называемого Каменкой, командир Сандул злым своим вымыслом под протестом 35 дней без выдержания карантинны пропустить не хотел; и как стояли они в том карантине, сего месяца ребуль ахыра на третей недели в среду, ночью порою 20 человек вооруженных козаков на сонных напад, помянутого Агу до смерти убили да одного ранили, протчих же 5 человек товарищей ево перевязали, и притом пограбили 35 мешков крымских денег (десять тысяч пять сот рублей), шесть лошадей, три ружья, одну пару пистолет, три сандака, четыре сабли, седло, також все платье и вещи, что у них имелось, пограбя, увезли; а по отъезде тех разбойников, в том же месте состоящие при карантине Архулупского куреня восемь человек запорожских козаков да Менского куреня пять, пришед, вышеозначенных наших людей, развязав руки, отпустили; сии козаки, хотя будто не ведаючи о сем деле пришли, но в самом деле, как видно, сообщася с теми козаками, которые пожитки увезли, внушением вышеупмянутого их командира они разбивали; також и на карауле стоящие люди все были притом сообщники; и тако будучи им таким тиранством ограбленным

пришед к нам, обо всем объявили. Чего ради, убитого Аги брата ево Каплана да пограбленным вещам хозяев – Ахмеда, Мустафу и Хусейна – о взыскании того человека кровавой цены¹¹ и о требовании пограбленных имений и вещей к вам отправили; во охранение между обоими империями заключенного трактата кондицеи, також и во знак содержащейся между нами дружбы и приятного соседства, уповаем, что определи к ним нарочных своих людей, от упомянутого ли командира или от казаков или от караульных людей цену крови убитого человека и толикое число мешков денег и прочие имении и пожитки взыскав, и все сполна им (татарам) отдать и по удовлетворению их паки сохранны к нам возвратит старание приложить свое не оставите".

"Якоже мы козакам вашим по единому точию следу, когда скажут – в таком-то месте было и в такое-то урочище след пал, во охранение Вечного мира и доброго соседства, хотяб сие в самом действии было или не было, завсегда всячину возвращаем; а сие дело весьма явно и видно, что как вышеозначенный командир, так и состоящие при карантине караульные люди, також и казаки все во общем согласии были и такое тиранство учинили согласно; и по толикому числу имения и вещам, також и крови человеческой, по силе Вечного трактата кондицеи и доброй дружбы, всеу пропасть весьма неприлично; також и впредь о нечинении таких продерзостей заказать, и все, что благое во утверждение и непоколебимости постановленного между обоими сторонами Вечного мирного трактата касаться имеет, обо всем к лутчему рачительное свое старание прилагать не оставите, чем мы довольны пребудем".

Письмо это, посланное 25 марта, было получено в Киеве 7-го мая; его везли четыре татарина – хозяева пограбленных вещей: Каплан Ага, Ахмед, Мустафа и Хусейн. Сечевым шляхом – на Кременчуг – они не рискнули ехать, а отправились в Киев окольным путем: на Очаков, Бендеры и "через Польские места". У Васильковского форпоста татар задержали и посадили в карантин, ханское же письмо с разными предосторожностями было отправлено к Леонтьеву.

В Василькове Каплан Ага и его товарищи должны были дожидаться распоряжений от Леонтьева, не замедлившего 8-го мая послать указ премьер-майору Немцову, с предписанием: "присланным от хана татарам ехать из Васильковского карантинного дому Польскою стороною до Кременчуцкого форпоста; и пока определение от Генеральной войсковой канцелярии к нему, Немцову, прибудет, велеть тем татарам за Кременчуцким форпостом, на Польской стороне, быть в карантине"; при чем Леонтьев предупреждал Немцова, дабы он обошелся с татарами повежливее и помягче: "и о том (о сиденьи в карантине) с учтивостию им объявить" – сказано в указе; "а когда от Генеральной войсковой канцелярии к нему, премьер-майору, определение прибудет, то с теми татарами, ежели они явятся во всем здоровы, сообщение иметь и оное следствие производить тамо, где запристойно будет; кто же из запорожских козаков к тому следствию потребны будут, о том в Киевскую генерал-губернаторскую канцелярию репортовать, а подлежащих к оному следствию Миргородского полку разных чинов людей требовать от полковой канцелярии или от полковника Миргородского полка Капниста".

К указу была приложена и точная копия с ханского письма.

Каплан Ага и его товарищи снабжены были паспортом, с коим надлежало им ехать "от Васильковского карантинного дому Польскою стороною до Кременчуцкого форпосту".

Того же 8-го мая из Киевской генерал-губернаторской канцелярии послана была промемория в Генеральную войсковую канцелярию. В промемории изъяснялось, что премьер-майором Немцовым произведено было следствие о разграблении татар гайдамаками в Ягодной долине, и оное следствие было без тех татар; сего же мая 7-го "хан крымской писал ему, Леонтьеву, принося кроме смертного убийства великую претензию с требованием удовольствия, и для того прислал с тем письмом 4-х человек татар, хозяев, кои в карантине были ограблены гайдамаками; по сему надлежит быть при тех татарах вновь следствию, и при том следствии определено быть Немцову; того ради, Киевская генерал-губернаторская канцелярия требует, дабы Генеральная войсковая канцелярия соблагволила определить кого надлежит и отправить того на Кременчуцкий форпост к премьер-майору Немцову немедленно, ибо оное следствие надлежит вскорости произвести, дабы татар не задержать и на ханское письмо ответить и в Государственную коллегияю иностранных дел репортовать; и что учинено будет, Киевскую генерал-губернаторскую канцелярию уведомить".

¹¹ Примечание переводчика: "сие на их языке еще значит кровь за кровь".

В этой промемории изложены были и те сведения, о которых запрашивала Генеральная войсковая канцелярия еще в начале апреля.

Так распорядился М. И. Леонтьев по поводу ханского письма. "Скоро сказка кажется, да не скоро дело делается", – так было и с этим следствием: оно не так то скоро совершилось, как того хотел Киевский генерал-губернатор; татарам пришлось долго промаяться на Руси.

XI.

Каптан Ага, Ахмед, Мустафа и Хусейн, снабженные паспортом, направили стопы свои на юг. 12-го мая добрались они Польскою стороною до Крюкова. Здесь, у Крюковской заставы, встретил их премьер-майор Немцев; "с учтивостию" объявил им, что они должны находиться в Крыловском карантине, ибо прибыли из Крыма – местности, зараженной "онасною болезнию"; и как только из Генеральной войсковой канцелярии прибудет лицо, назначенное для следствия, то оное следствие тотчас и начнется.

Отправились татары в Крылов и снова, в ожидании следствия, потянулась их жизнь в скучном карантине. А тем временем в Генеральной и полковой Миргородской канцеляриях действовали. Из первой по получении от Леонтьева промемории, немедленно послан был указ во вторую, которым предписывалось полковому обозному миргородскому Федору Москову, обще с премьер-майором Немцовым, произвести следствие об учинении нападения на семь человек крымских татар, заключенных в карантине близ села Каменки в урочище Ягодной долине 27 февраля сего года в ночное время; при присутствии присылаемых от хана татар в самую сущую правду исследовать, и что по исследованию явится – отрапортовать в Генеральную войсковую и Миргородскую полковую канцелярии. Поэтому Миргородская полковая канцелярия от себя вручила этот указ Федору Москову, который немедленно то отъехал в Кременчуг к Немцову, где ими прежде всего был поставлен вопрос: в каком месте производить следствие? Так как выбор его был предоставлен им самим, то они избрали его в селе Крюкове¹², как наиболее удобном для них, потому что в свободные часы им хотелось проживать в безопасном форпосте Кременчуге.

Порешив с местом, следователи навели справки о благосостоянии татар, пребывавших в Крыловском карантине. Хотя те татары оказались и благополучны, все же срок двойного карантина для них не окончился, и следователи побоялись возыметь теперь с ними сообщение, – а донесли Киевскому генерал-губернатору, что выбрали для производства следствия село Крюков, Каптан Ага и его товарищи благополучны, но как срок "двойной карантины" им еще не истек, то возможно ли с ними здесь, в Крюкове, иметь сообщение? Послав запрос Леонтьеву, Немцев и Москов стали выжидать ответа – это была первая задержка татарам: наступил июнь, а следствие не начиналось.

Мая 31 Москов отрапортовал то же самое и в Генеральную войсковую канцелярию, после чего уехал домой, где и пребывал до получения ответа из Киева. Ответ был дан Немцову 10-го июня, а 11-го июня Москов получил от Немцова письмо: "на посланное нами в Киевскую генерал-губернаторскую канцелярию представление указом повелено тое следствие от реки Днепра разстоянием в версте, в селе Крюкове производить и татар с карантина выпустить; только во всю следствия бытность нам, следователям, и будущим при нас отнюдь ис того села Крюкова в Кременчуг не ездить и никакова ни с ким в Кременчуге сообщения не иметь, под опасением за небрежение смертной казни; да и по окончании того следствия – нам и будущим при нас в Кременчуг не ездить же, но держать при том Кременчуцком форпосте указную двойную карантину непременно".

Такое распоряжение Леонтьева шло в разрез с намерением следователей – проживать во время следствия в Кременчуге.

Получив письмо, смущенный Москов прибыл в Кременчуг. Здесь он объявил Немцову, что "самоизвольно – без ведома Генеральной войсковой канцелярии – ехать в карантин он не смеет"; и жить то там, в Крюковском карантине, опасно: гайдамаки наскочат и предадут его смерти. Немцову тоже не нравилась Крюковская тюрьма, – уж если и держать карантин, так в другом каком либо более безопасном месте. Недолго думая, Москов и Немцов согласились какнибудь затормозить указ от 10 июня, а татары все еще сидели в Крыловском карантине и ждали у моря погоды.

¹² Село Крюков, ныне посад, находится на правом берегу Днепра в версте от Кременчуга.

Господа следователи затормозили указ так: Немцов отписал Леонтьеву, что полковый обозный Москов самоизвольно, без ведома Генеральной войсковой канцелярии, заключаться в карантине не смеет, и определения о том требует от своего начальства, а Москов 18-го июня послал нижайшее доношение в Генеральную войсковую канцелярию. В доношении он "нижайший" выписал указ Леонтьева от 10 июня "о двойной указной карантине", затем изъяснялся и печаловался в таких выражениях: "по письму примьер-майора Немцова я в местечко Кременчук в другой раз прибыл, только за силу означенного указа самоизвольно, без ведома Генеральной войсковой канцелярии, ехать в карантин не смею; ибо по прежнему указу, упомянутому в репорте моем 31 мая, надлежит только тех татар освидетельствовать, и ежели здоровы являются, то начать следствие тамо, где заспособно по нашему усмотрению будет; оные же татары здесь в Крыловском карантине обретаются благополучно; також по благодати божией в российской границе от опасной болезни по подлинным известиям везде состоит благополучно; а сверх всего яко великое число гайдамак шатаются и нападения делают, между коими уповаю могут быть действительно таковы, которые, под судом полковой Миргородской канцелярии обретаясь, были приговорены к смертной казни и бежали; чтоб сии умышлено нападения не учинили и надо мною не помстились и не причинили б преждевременно смерти, и по всем вишеписаным праведным обстоятельствам – живучи мне з маёром Немцовым долговременно в карантине и не имея не с ким сообщения, следствие производить и туда ехать я опасен; того рады, Войсковой генеральной канцелярии покорнейше прошу з оной енеральной канцелярии повелеть указом производить следствие на основании вищеписанного прежнего к Немцову от генерал-губернаторской канцелярии указа, или особливою снабдить мене инструкцією; в дополнение ж о присылки для осмотру должно ли подлежатиметь лекара – предложить; и о том всем милостивое рассмотрение и определение учинить; о чем я з нижайшею моею покорностию ожидать буду в резолюцию повелительного указа".

В этом доношении Москов не без основания указывал на ту опасность, которая предвиделась для него в Крюкове: в окрестностях Крюкова и Крылова гайдамаки изрядно пошаливали, – "обдирали ватажан, следующих в Крым, в Сечь и обратно"; недавно из крыловской тюрьмы бежало несколько гайдамак, над которыми Москов производил следствие¹³.

Дело татар все более и более запутывалось в канцелярском колесе! Прошел май, три недели июня, а дело не двигалось и только 23 июня Федор Москов получил указ из Войсковой генеральной канцелярии, в коем писалось, чтобы во всей точности соблюдать "двойную указную карантину", предписанную генерал-губернатором Леонтьевым; а оное следствие производить не в селе Крюкове, но "отдале от оного" – на острове Днепровском, "тамо учинить и держать строжайший карантин". Впрочем, следователям дозволялось приезжать в Кременчук во время следствия, но лишь в том случае, если они не будут иметь соприкосновения с татарами и теми людьми, которые будут сторожить тех.

ХII.

Получив указ из Генеральной войсковой канцелярии, следователи – Немцов и Москов – сделали предварительные распоряжения: во все концы послали солдат и козаков, чтобы они сыскивали людей, что либо знающих о гайдамаках, ограбивших татар в Ягодной долине 27 февраля; Каплана Агу и его товарищей велели препроводить к месту следствия, на Днепровский остров в пяти верстах от Кременчуга; сюда же потребовали каменского атамана Ивана Сандула и караульных, бывших на страже в ночь, столь роковую для Магмета Аги; сами же Немцов и Москов 24 июня выехали на остров и 25 июня начали следствие.

В самом начале следственной работы выплыл наружу некий поручик Иван Буреев, по всей вероятности или начальник Крыловского карантина, или заведывающий здесь караулами – помощник начальника; обезпокоили поручика татары. Каплан Ага, Ахмед, Мустафа и Хусейн, допрошенные первыми, рассказали: бывши в Крыловском карантине, они – татары – пограбленную у них гайдамаками лошадь опознали в Крылове у одного малороссийского человека; оного человека, с тою лошадейю приводили они к поручику Ивану Бурееву "в квартиру"; поручик опознанную лошадь велел отдать им, татарам. а того человека отпустил; куда и почему этот человек отпущен, они не знают; ту лошадь свидетельствовал каменский атаман Сандул и признал,

¹³ Архив Ю.-З. Р., т. 3-й, ч. III. – 1876, ССХС, стр. 606, п. 2.

что она ихняя – татарская. Выступил на сцену Сандул. При словесном допросе 25-го июня он "добровольно" показал, что "в реченного порутчика в квартире для разведования об опознанной татарами лошади был и про означенную лошадь – у кого она опознана – спрашивал, точию на оное ему, атаману, он, порутчик, объявил, что ту лошадь опознанную отдали татарам, а того человека, у которого они, татаре, опознали, черт ево знает; с чем он, атаман, от него и возвратился обратно.

Тоже самое сказали следователям и некоторые из крыловских обывателей: видели, мол, малороссийского человека с опознанною лошадыю, а кто он – неизвестно, куда он девался – Бог его весть. Словом, интересный "малороссийский человек", обладавший татарскою лошадыю, для следственной комиссии исчез безследно. Тогда комиссия послала поручику Ивану Бурееву предложение, дабы он "для ответу" прислал малороссийского человека, у которого татары опознали заграбленную у них гайдамаками лошадь, также и сам он, поручик, прибыл бы в следственную о татарах комиссию для ответов. Но поручик Буреев следователей не послушался: и сам не явился к следователям, и человека того к ним не прислал. Пошла возня с упорным поручиком: вторично предложили ему прибыть в следственную о татарах комиссию; поручик, не обратил внимания и на это предложение; в третий раз послали Бурееву предложение о том же, Буреев не прибыл к следователям, а был настолько благосклонен, что "ответом объявил" им, что он, поручик Иван Буреев, являться не намерен, "во 1-х потому, что в предложениях из комиссии не изображено, для какого ответа его требуют; во 2-х, под оною комиссиею он не состоит и подчиняться ей не обязан; а касательно присылки того человека, у которого татары опознали свою лошадь, то он того человека не знает, в присланных же к нему и комиссии ордерах не объявлено, кто он именно, и затем вскорости сискать ево невозможно." Немцов и Москов сим ответом не удовлетворились и решились прибегнуть к крайней мере: послали за оным поручиком "унтер-афицера Анисима Сахарова с пристойным числом салдат и козаков", при чем дали ему инструкцию, как вести себя пред поручиком Буреевым и как его требовать в следственную о татарах комиссию.

Унтер-офицер Сахаров с вооруженной силой явился к Бурееву в квартиру и вручил ему ордер. В ордере Немцев и Москов писали, чтобы Буреев немедленно явился к ним "для ответу" Повелительный тон ордера, назойливость, с какою уже четвертый раз его беспокоят, присылка вооруженной команды, – все это взбесило надменного поручика; а тут еще Сахаров словесно "с почтением" изясняет, зачем он явился.

– Без указа генерал-губернатора Киевского не хочу ехать, да и впредь не поеду, не поеду! закричал взволнованный Буреев.

Не взирая на это, унтер-офицер Сахаров имел смелость приступить поближе к поручику с требованием ехать.

– Осел.... болван!... Как?!... Вон!.. Прочь!... Заревел поручик и выгнал оторопевшего унтер-офицера с его командой, при чем намеревался бить его.

Выгнанный Буреевым Сахаров поспешно явился к следователям и "сказкою показал", что "он, поручик, без указа Киевского генерал-губернатора ехать в следственную о татарах комиссию не хочет; хотя же он, салдат, к тому ответу о прибытии с ним, салдатом, как ему, салдату, приказано было, ево, порутчика, неотступно требовал, точию он на оное объявил, что я тебя бить буду". Разумеется, следователям теперь нечего было соваться к Бурееву со своими предложениями; нужно было писать Леонтьеву, что они и сделали¹⁴.

¹⁴ Они писали: "Порутчику Ивану Бурееву четверократно предлагаемо было, яко он же порутчик Буреев, как уже по татарской сказке явствуя, что он виновностию не мало состоит, – потому что, опознавши татары свою лошадь, малороссийского человека с тою лошадыю приводили к нему, порутчику, в квартиру; а куда он ево отпустил и для чего – неизвестно: к тому же он, порутчик, по команде о том до г-на маёра Немцова не ренортовал; почему реченный порутчик Буреев неотменно к следствию подлежит; зачем ныне о том следствии и остановка учинина; и того ради, мы – примьер-маёр Василий Немцев и полковый обозный Федор Москов – в Киевскую генерал-губернаторскую канцелярию представляем с прошением о прибытии ему, порутчику, в реченную комиссию для ответу и о послушании во всем; також и которые потребны и в допросах запираяться будут, как повелено будет с ними поступать, повелительной резолюции просим".

Отправив бумагу в Киев, 27 июня, Москов и Немцов в тот же день уехали в Кременчуг. О приостановке начатого следствия и о своем отъезде в Кременчуг Москов считал долгом уведомить Генеральную войсковую канцелярию¹⁵.

Опять татарам не повезло; ничего особенного следователи еще не добыли, а уже принуждены были приостановить следствие. Во время остановки следствия поручались одне и те же вести: разсыльные, козаки и солдаты, возвращаясь из разных концов докладывали, что никто нигде не видел гайдамаков с татарским добром; Рудь и Кодионец тоже не имели успеха в погоне за этими степными коршунами.

Так дела обстояли до 8-го июля, когда получена была повелительная резолюция от Киевского генерал-губернатора: поручику Ивану Бурееву приказано немедленно явиться в следственную о татарах комиссию, а следователям Немцову и Москову – подтверждалось, дабы они "надобных разных чинов людей требовали всемерными образами", – посылали бы к ним умноженные команды и брали их насильно, ежели добровольно они "не явятся" в следственную о татарах комиссию.

Но следственной комиссии не пришлось прибегать к таким действиям, ибо и теперь и потом некого было требовать, кроме Буреева, да и тот явился в комиссию сам.

Сверх того, что Буреев писал в ответе своем, теперь он выяснил немного, – он лишь рассказал следователям, как и почему скрылся неизвестный малороссийский человек. Были уже сумерки, когда татары привели к нему во двор человека с лошадьо; вслед за татарами прибежало несколько обывателей местечка Крылова; образовалась во дворе толпа; татары с азартом орали во всю мочь, толкали того человека и что то показывали знаками; он, Буреев, сколько ни старался, не мог остановить ни толкотни, ни крика татарского, не мог понять в чем дело; тогда он вошел в квартиру, чтобы сыскать вестового и послать его за командой, но в этот момент татары заревели пуше прежнего; он выскочил к ним, оказалось, что тот человек вырвался из рук татар, ударив двоих так, что те повалились на землю, и побежал в степь; Буреев посылал команду сыскивать того человека, но его не нашли. Некоторые из крыловских обывателей подтвердили рассказ Буреева. Татары, таким образом, оказались весьма пристрастными и недобросовестными свидетелями: они и запорожцев обвинили в соучастии с гайдамаками, пред ханом они оклеветали не только караульных, но и самого атамана Сандула; а теперь на удочку им попался поручик Буреев.

Когда было установлено, что Буреев не отпускал человека, приведенного к нему татарами, и в побеге его неповинен, – то у следователей более не оказалось данных для продолжения следствия; Буреев был отпущен домой, а Немцов и Москов снова уехали в Кременчуг и стали поджидать "материи" для дальнейшей следственной работы. Материя эта вскоре представилась.

XIII.

В то время, когда Немцов и Москов возились с Буреевым и ничего не добились о неизвестном малороссийском человеке, в походной полковой Миргородской канцелярии фигурировала важная птица: то был гайдамака Яцко Федоров сын Чабан. Он был схвачен при деревне Белоцерковке, состоявшей в Кременчугской сотне Миргородского полка. В походной Миргородской канцелярии Яцко Чабан был допрашиван и дал весьма интересное показание.

Не сразу Яцко заговорил о деле в Ягодной долине. К разбою, учиненному здесь, он подходил постепенно; он рассказал сначала о своей предыдущей жизни и тех обстоятельствах, которые привели его к расправе с татарами.

Яцко Чабан был родом из местечка Омельника, Миргородского полка; лет ему от роду до 30. В том местечке пять лет Яцко жил безотлучно при отце своем Федоре Деревенце и матери Елене. По смерти матери своей, Яцко Чабан пошел с отцом из Омельника в местечко Келебурду, Полтавского полка; здесь Яцко жил при отце 5 лет; на 11-м году мальчугана постигло горе: он лишился отца. Став круглым сиротой, одиннадцатилетний бобыль – мальчик поступил в услужение к козаку Федору Гузеенку, жившему в Келебурде. У Гузеенка малолетний бобыль служил безотлучно пять лет. Яцку стукнуло 15 лет; а он только и видел света, что в Келебурде, только и знал один угол, что

¹⁵ "Я, обще з примьер-маёром Немцовым, как с татарами так з салдатами и казаками, також и крюковскими обывателями сообщения не имели никакого, но поступали с ними, как указы повелевают, – и для того до воспоследования резолюции о порутчике Бурееве, кой в комисию не хочет явиться, отъехал в Кременчуг; а когда резолюцию получу и в следствие вступлю, в Генеральную войсковую канцелярию репортовать буду".

у козака Гузеенка. Омельник ему мерещился, как во сне, – ему захотелось "майнуть" куданибудь за Келебурду, а, быть может, его притесняли у Гузеенка и обременяли работой. Как бы то ни было, но прослужив у Гузеенка 5 лет, Яцко долее не захотел у него оставаться, взял расчет и "добровольно" пошел в местечко Кременчуг, Миргородского полка. В Кременчуге сирота Яцко неделю другую шатался без дела, пока звенели "в кишени" деньжонки; питался, чем Бог послал, спал под открытым небом, – благо была летняя пора. Когда же последний грош был потрачен, Яцко поступил в услужение к тамошнему козаку Павлу Макаренку, у которого жил в наймах два года.

Живя в Кременчуге, Яцко часто встречался с запорожцами и наслышался от них заманчивых речей о Сечи Запорожской и ее воинственных обитателях; слышал он, как запорожцы не раз турка били, татарвы много поистребили, – только и осталось ее, что в Крыму да за Бугом, да и той скоро не сдобровать; ляхам задавали доброй прочуханки; там, в Сечи, жизнь привольная, широкая: куда захотел, туда и идешь, что захотел, то и делаешь, живешь вольной птицей. И вот, прожив два года "в наймиках" у Макаренка, Яцко Чабан пожелал изведать привольной жизни и пустился в Сечь, куда в ту пору устремлялись все подобные ему горемыки.

Оставив Кременчуг, Яцко сам пешком прибыл в Сечь Запорожскую; но не так то приняли его в Сечи, как расписывали ему в речах, – здесь тоже были свои законы, правда не писанные, но установленные обычаем; прежде чем стать полноправным и свободным "лыцарем", прежде чем получить право гражданства в этой своеобразной, воинственной общине, нужно было подвергнуться испытанию и быть неженатым, нужно было на некоторое время сделаться рабом – послушником у какогонибудь опытного запорожца; это было нечто в роде монастырского послушничества и иезуитского искусства. Так было и с Ярком. Добравшись до Сечи, он пристроился здесь в Пластуновском курене в качестве наймита у козака Каленика Кривого, у которого жил в услужении целых три года. По истечении трех лет, с 1745 года, Яцко Чабан жил в том же курене свободным козаком и промышлял продажей рыбы и соли. Целых пять лет Яцко имел терпение возиться с рыбою да солью; наконец, надоела ему эта мирная и однообразная жизнь торговца, – ему захотелось изведать той тревожной и прибыльной жизни, какую многие из его товарищей вели в Польских и Татарских областях, откуда возвращались с богатой добычей – с лошадьми и волами, червонцами и злотыми, с дорогой сбруей и оружием. А тут Яцку, мечтавшему о добыче, подвернулся и добрый товарищ, – то был Грицко Таран, побывавший в гайдамацких заездах; он расписывал Яцку о прелестях гайдамачества и подбивал его попробовать этой беззаботной жизни. И вот, в великий пост 1750 года, пошел Яцко Чабан с товарищем своим Грицком Тараном в путь-дороженьку. Они ушли из Сечи не тайком, а с ведома атамана Пластуновского куреня Грицка Верменка. Пошли они пешком, захватив с собою лишь по ружью. Искатели приключений намеревались идти на Великий Ингул. Но имь не суждено было дойти туда; в Малом Ингуле, в одной балке, сошлись они с Харьком Балченком, запорожцем Мишастовского куреня. Харько был здесь не сам, а с "орленятами" – то были десять добрых молодцев: Панаща – запорожец Щербановского куреня, Антон Шевчик – Корсунского, Валашок – Кушовского, Гаврило – Донского и еще шестеро, имена и прозвания коих Яцко забыл.

В балке у Малого Ингула Харько и молодцы его имели совещание с Чабаном и Тараном, соображали, куда бы направиться за добычей; добыча эта была возле речки Омельничка в Ягодной долине. И "согласясь", все они – Харько, Чабан, Таран и прочие пошли под местечко Каменку "к состоящим" в ту пору в карантине татарам. Нужно сказать, что Харько и шестеро его товарищей ехали "верхи", а остальные шли пешком до Ягодной долины. Наехав на татар ночью порою, "едного" татарина "сколол" Панаща, а "един" татарин бежал; прочих же повязав, взяли у них "червонцев двесте" да тысячу рублей, между коими было левов сто; кроме того взяли: "бугасовых кафтанов два, байбарак крымских смушков, бугасом покрытый, "шабель" турецких три, из которых одна была под серебром, янычарок три, вязню с рогом и шабалтасом, под серебро оправленную, часы серебряные одни, пару сафьяновых чобот, шапок две, лошадей шестеро". Забрав все это, гайдамаки пошли тем же путем к речке Зеленой, где поделились деньгами, вещами и лошадьми, при чем Чабану досталось: "байбарак, кафтанов 2 бугасовых, червонцев 17 да рублей битых 46". За эти деньги он купил двое лошадей за 50 руб.; эти лошади весною при урочище речки Вербовки у Малого Ингула были забраны сечевою объездною командою; остальные деньги – 30 руб. Чабан дал на сохранение Грицку Понискому, жившему в запорожском селе Романковом и его куренному товарищу Ивану Кривому. По разделе вещей и денег ватагою, Балченко с товарищем Гаврилком

отправился в Сечь и здесь преподнес кошевому атаману Василию Сычу серебряные часы и 10 червонцев; при чем объявил кошевому, что "он, Балченко, с другими товарищами под Камянской татар разбил", а кошевой Сыч "Балченку приказал так стерегтись крепко, чтоб о том знать никто не мол".

Харько Балченко, возвратившись к своим товарищам, бывшим у речки Зеленой, объявил о свидании с кошевым, о вручении кошевому серебряных часов и червонцев и о приказе его "стереглись крепко".

Вслушав наказ батька кошеваго, гайдамаки от речки Зеленой "разошлись по разным местам, куда кто пожелал". Яцко Чабан пришел в зимовник запорожского козака Федора Камянецкого и жил здесь, но недолго; чрез 2 недели Чабан пошел с козаками Пластуновского куреня Петром Гамадою и Василем Стреляйбабою, жившими в упомянутом зимовнике, в Ингул "на лясы" для ловли рыбы. "В той ловле они обретались" до праздника Св. Николая. После сего праздника, в мае, пошли они к речке Мертоводу "для выпасу лошадей"; но их влекло сюда и иное обстоятельство: прослышали они, что там уже собираются великие гайдамацкие чаты. Действительно, у Мертовод они застали эти чаты, "в коих имелось 324 человека".

У Мертовода гайдамацкие чаты стояли целый июнь месяц; поджидались еще охотники, забирались справки, куда бы отправиться на обильную добычу. И вот, после Петрова поста, великая гайдамацкая чата на конях выступила в поход; ею предводительствовал ватаг Михайло Сухий, запорожский козак Конеловского куреня. Под его предводительством гайдамаки направились в Польскую область и шествовали прямо шляхом мимо Петроостровского форпоста в полуверсте от него. Караульные этого форпоста, – солдаты и козаки, видели их поход и "никакого воспрещения им не чинили". Перебравшись свободно через речку Высь, гайдамаки ступили на Польскую землю и пришли под село Ерки "Смелянской губернии". И как пришли под это село, то он, Чабан, оставлен был "при батовой"¹⁶.

Яцко Чабан, вместе с другими, сторожил батовую, а остальные товарищи имели баталию с поляками возле Ерков, и "с той баталии полегло сорок голов польских". После сражения гайдамаки захватили немалую добычу; "но сколько чего с пожитков достали – он, Яцко, знать не может, и с оных пожитков ему ничего не дано".

Нагруженная добычей гайдамацкая чата от Ерков повернула назад; во время этого марша, "идучи до Мертовод, под селом Капустиным"¹⁷, гайдамаки заняли 30 волов, и тех волов в Мертовод в пищу употребили".

Совершив удачный поход в Польскую область под село Ерки, насытившись в Мертовод воловьим мясцем, "будучие в той чате все гайдамаки разошлись по разным местам и запорожским зимовникам. Зимовники не привлекали к себе Яцка; отлучившись из чаты, он с Яковом Горкушею ударился в степь широкую – привольную; авось, думалось им, выпадет случай – можно будет хватить гденибудь "здобычь"; такой случай скоро подвернулся: "едучи степом, в урочище над речкою Жовтенькою", оба искателя приключений пристали к ватажку Роману Вербе. Роман Верба уже имел у себя девять товарищей и только поджидал новых охотников; когда таковые "в лице Чабана и Горкуши, явились, шайка двинулась в поход. Двенадцать молодцов "поехали под село Глинское"¹⁸ – Миргородского полка, Крыловской сотни; и там с хутора Назара Устимовича своровали восемь лошадей. Затем, "по наущению ватажка Романа Вербы и товарища его Карпа Кравця", товарищи отправились в хутор Свиарной. Вероятно, Верба и Кравець имели с этим хутором какие-нибудь счеты, которые теперь нужно было свести. К заезду в хутор подготовились: забравшись "в шинк, неподалече от того хутора Свиарного стоящий, гайдамаки горелки довольно напились". Находясь в изрядном кураже, Верба и сподвижники его нагрянули на хутор; управились ловко: "тамошнего старосту Еврашенка розграбовали, и двор, где он, староста, жительствоет, разорили и взяли немалое число пожитков"; но этого мало: Роман Верба, Савка Таран, Павло Капуста и Яцко Горкуша "с женщинами тамошними насильно блудничали", – эту вынужденную дань должны были уделить степным забиякам старостиха, овчарка и войтиха. Яцко Чабан, засев в шинке, прозевал и разгром хутора, и блудничанье с бабами.

¹⁶ "Батовая" – это лошади, навьюченные добычей.

¹⁷ Ерки и Капустино – ныне села Киевской губернии, Звенигородского уезда.

¹⁸ Село Глинское на речке Цыбульнике в Александрийском уезде Херсонской губернии.

Полюбезничав вдоволь с женщинами в Свиарном, нагруженные добычей гайдамаки умчались в степь; здесь где то в глухой балке они доделили между собой добычу и разлетелись в разные стороны.

Яцко Чабан, оставленный своими товарищами в шинке возле Свиарного, задумал побывать в Гетманщине, – ему захотелось донаведаться в родные места: в Кременчуг, Келебурду, Омельник¹⁹. Понаведаясь, но не пришлось "сиромахе" вернуться из Гетманщин в Сечь или в степи Ингульские. Шатаясь по разным местам своей родины, добрался Яцко до местечка Белоцерковки²⁰; здесь его схватили, вероятно, проболтавшего в шинке под пьяную руку.

"Чрез всю же его с товарищи бытность", добавляет Яцко, "кормилися они по зимовникам и отнимали харч в купеческих ватажан, следующих до Сечи и обратно в дома свои; а в здешних обывателей²¹ на воровские пожитки ни от кого ничего не заменяли, и к ним никогда не приездили и ничего у них с харчей не брали, також и воровских пожитков им не продавали и даровизною не давали; только как они, гайдамаки, с Польской стороны обратно следовали мимо Петроостровского фарпоста, – то было 1-го или 5-го чисел минувшего июля, – так к ним с того фарпоста еден офицер выезжал, а в каком он чину и как его зовуть и прозывают – он, Чабан, не знает; и выезжал к ним тот афицер с шестью или большим числом драгун и сказывал: Бог вам в помощь! Которому они, гайдамаки, ответствовали: Спасиби! и дали ему с заграбленного скота вола полового; а более ли дали что – не знает же; а с прошения их тот афицер дал им возок для возки раненых их двоих гайдамак". Значит, в сражении под Ерками и в гайдамацких рядах было не без убыли.

"Более вышписанного в разбоях и грабительствах он, Чабан, нигде не бывал, никого не умертвил и про воров и разбойников не ведает; и сие показал в самую сущую правду".

По окончании допроса Яцко Чабан был отправлен к Немцову и Москову. Пред лицом следователей Яцко повторил тоже самое, что "сказывал" и в походной Миргородской канцелярии; безхитроно он винился в разбоях и грабежах.

XIV.

Следователи, Немцев и Москов, должны были привлечь к допросу петроостровского офицера и выяснить: зачем он приветствовал гайдамаков, принимал от них подарки и отдал им возок? К сожалению, документов о дальнейшем ходе следствия нет; но несомненно, что Яцко Чабан говорил сущую правду об этом офицере, как и вообще он прямодушно, – без всяких заперательств и противоречий, – говорил правду о всей своей жизни, начав от первых отроческих лет. Показание Яцка именно отличается тоном спокойным и правдивым; он ни единым словом не старается выгораживать себя из разбоев и грабительств, не старается утаивать и товарищей своих, – с кем из них он был более близок и которые принимали более деятельное участие в грабежах, тех он называет по именам и "прозвищам", говорит, каких они куреней. По порядку Яцко рассказывает все, что было с ним в жизни; с объявлением об офицере он не только не торопится, а даже забывает сказать о нем, – и говорит тогда, когда к слову пришлось; а к слову пришлось потому, что встреча с этим офицером была фактом исключительным в похождениях Яцка его и товарищей: "они, гайдамаки, у российских обывателей ничего не меняли на воровские пожитки, а мена произошла только с офицером Петроостровского фарпоста".

Выслушав Яцка Чабана, следователи засадили его в тюрьму до будущего свидания с товарищами; а свидание это, по мнению следователей, скоро должно было состояться, ибо полковая Миргородская канцелярия послала во все полки предложения, а полковые канцелярии во все сотни разослали ордера, дабы "сыскивать" гайдамаков, оговоренных Яцком Чабаном; наконец, Кодинец и Рудь рыщут со своими командами по степям за гайдамаками; в Сечь написано сыскивать гайдамаков. Но надежды следователей не оправдались: из товарищей Яцка ни единый не был пойман. Яцко, если и поймался, то потому, что отлучился от товарищей на родину; остальные же были по практичнее: они шатались в Польской области, рыскали по степям между Днестром и

¹⁹ Келеберда – местечко Полтавской губернии на Днестре, в 10 верстах от Кременчуга, Омельник – местечко той же губернии на речке Псел, в 10 верстах от Кременчуга.

²⁰ Белоцерковка – местечко Полтавской губернии, Хорольского уезда, на речке. Псел, в 60 верстах от Кременчуга.

²¹ Т. е. у жителей Левобережной Украины.

Бугом и улетучивались в места, недостижимые для сыскных команд: на речные острова, в лесные чащи, в глубокие овраги, поросшие терном и колючкой, в густые камыши, окаймленные болотами и трясинами; а то и по зимовникам между Бугом и Днепром гайдамаки находили себе приют, – козаки тщательно скрывали здесь своих. В Запорожском Гарде гардовая старшина "за подарунки" потакала гайдамакам, пропускала их направо и налево, смотрела сквозь пальцы на то, как гайдамаки собирались в количестве нескольких сотен у Мертовода – всего в 80 верстах от Гарда; в Сечи гайдамаки находили убежище и даже поощрение, – иначе Харько Балченко не рискнул бы явиться к кошевому с подарком и кошевой не отпустил бы его с наказом "крепко стерегись". Петроостровский господин офицер не любил преследовать гайдамак, – открывал им широкий путь куда угодно: и в Польшу, и в степи на юг от Выси.

Даже если бы Харько и товарищи его были сысканы, то татары все таки не получили бы надлежащего удовлетворения: гайдамаки как обретали добро, так легко и скоро спускали его; они жизнь свою мало ценили и еще меньше дорожили имуществом! Оружие и лошади тоже были проданы или променены – попали в неведомые места, в неведомые руки. Ведь у Яцка Чабана никакого татарского пожитка не нашли; Грицко Пониский, получивший на сохранение 30 татарских рублей, исчез "безвестно*"; кошевой атаман Сыч не был таким простаком, чтобы признавать показание Яцка фактом доказанным: он, кошевой, отрекался и от часов, и от Харька Балченка, говорил, что такого запорожца нет и не было в Сечи уже более года.

Словом, татары ни в каком случае не могли получить пограбленных пожитков; цена же крови заколотого Аги могла быть взыскана; для сего имелась на лицо собственная персона Яцка Чабана.

Татары пытались было поживиться на счет каменского атамана Ивана Сандула, караульных и тех запорожцев, что стояли с ними в карантине; но и тут последовала осечка. Было выяснено и удостоверено, что эти запорожцы не имели никакого сообщения с грабителями. Харько Балченко более года пропадает неведомо где, Яцко Чабан вышел из Сечи в то время, когда Мусий Карый и Наум Нос уже посажены были в карантине; в тот карантин к запорожцам не приходили никакие неведомые люди, да и запорожцы никуда не отлучались, разве иногда приходили в Каменку и то с ведома атамана. Что же касается караульных, то они, находясь на своем посту, почти в версте от табора, действительно могли не слышать чинимого разбоя, тем более, что он совершен был без особого шума и необычайно быстро.

Когда Яцко был спрошен, как гайдамаки пробрались в карантин, то он прямо сказал, что они зашли с той стороны, где караула не было, а потом на пролом промчались мимо караульных и караульные "гукали" на них, но они только посмеялись над тем гуканьем.

На счет атамана Ивана Сандула и сомнений не могло быть никаких: это был козак богатый и известный всей сотне своею честностью, – это был строгий исполнитель всяких приказов, исходивших от начальства; он усердно сторожил свой участок от гайдамаков и некоторых даже лавливал в предыдущем году.

Следователи – Немцов и Москов – не нашли возможным удовлетворить татар на счет атамана Сандула, караульных и запорожцев. Так татары, помаявшись до сентября на Днепровском острове, отправились во свояси с одною опознаною ими лошадью; следственная комиссия утешила их лишь тем, что меры "к переловлению" остальных товарищей Яцка приняты; "по поимке воров и разбойников", они, татары, будут позваны и из пограбленных пожитков получают "и больше того". Но татары позваны не были и удовлетворения не получили. Перекопский каймакан так жаловался в 1755 году секунд-майору Миронову – послу Киевского вице-губернатора Костюрина, управлявшего тогда Киевскою губернией и пограничными делами: "У нас бы все хорошо было и промеж обоими высочайшими империями, Российскойю и Турецкою, дружба происходила, токмо мешают соседственную дружбу запорожские козаки: сколько ни было комиссий, то никакого удовольствия обидящие не получили".

Крымский хан Арслан-Гирей тому же Миронову во время аудиенции отвечал: "сколько комиссий ни было, а обидящим моим подданным от запорожских козаков в разные времена разных вещей и скота пограбленного ничего не возвращено; скажи своему генералу об оном или где у вас надлежит и выше донеси: долго ли мне будет терпеть?"²².

²² "Киевская старина", 1885, т. XI, февраль. К истории пограничных наших сношений с Крымским ханством, А. Андриевского, стр. 345, 351.

XV.

Запорожцям – Мусию Карому и Науму Носу тоже не повезло: и они не получили удовлетворения за безвременно погибших осетров. При содействии кошевого атамана, занесли они жалобу на каменского атамана Ивана Сандула в Миргородскую полковую канцелярию. Запорожцы печаловались, что они "без жодного резону и винности напрасно посажены были в карантину камянским атаманом Иваном Сандулом, и чрез него, атамана, они, нижайшие, потерпели немалый на несколько сот рублей убыток на товарах своих, везенных при пашпортах на Миргородскую ярмарку, особливо же рыба, осятри, вся в порчъ пришла; и чрез то они, запорожцы, принуждены были, оставив в Камянке товары свои и лошадей 20, возвратиться в Сечь", и просили, чтобы с атамана Ивана Сандула был взыскан тот убыток, какой они понесли на товарах своих.

Миргородская полковая канцелярия долго думала над этой жалобой и потом учинила такую "сатисфакцию": "Хотя де они, запорожцы, яко то явилось по следствию, и не принимали участия в разграблении татар в Ягодной долине; однако они – Мусий Карый, Наум Нос и прочие с ними – яко свидетели того разбоя, должны были оставаться в карантине, по приказу атамана Сандула, до резолюции из оной полковой Миргородской канцелярии; с товарами же своими они должны были поступить так, как было им предлагаемо от того же атамана; и как товары свои и лошадей они, запорожцы, бросили в Камянке не по принуждению камянского атамана, а самоизвольно, то по всему сему жалобе их полковая Миргородская канцелярия не может дать удовлетворения".

Мусий Карый и Наум Нос с товариством выслушали решение Миргородской полковой канцелярии, понутив чубатые головы, и поспешили в Каменку, дабы оставленная там "худоба не загнула". Здесь Наум Нос взял свою соль, а Карый и товарищи его своих лошадей. Так кончилась печальная история с осетрами, начало которой восходит к 27 февраля.

Иван Сандул трижды перекрестился, когда запорожцы, забрав свою худобу, убралась в Сечь. Он с них ничего не взял за прокормление лошадей, – он рад был, что и так разделался с запорожцами и дело кончилось мирно.

А. Полницкий.

Киевская старина, 1889, № 5-6, с. 332-379.

Крім історичного нарису про гайдамацький напад на карантин в Ягідній долині А.Полницьким в журналі "Киевская старина" були опубліковані документальні замітки "К истории южнорусского духовенства: Избрание прихожанами священника" (1895), оповідання "Марья в жидовстве Марьяна", "Насильно обвенчанный дьяк", "Распоп Никола" (1895), "Новороссийский Сарданапал", "Селимомовец" (1898), повість "Сербы в Гетьманщине" (1896).

Із змісту опублікованого нарису А.Полницького, чисельних згадок про прізвища та посади реальних історичних осіб того часу, досить чітко простежується, що останній ґрунтується насамперед на залученні відповідних архівних матеріалів. Проте стосовно джерел їх походження в нарисі та примітках до нього не згадується.

У зв'язку із зазначеним, більш-менш однозначно до таких джерел може бути віднесено насамперед стислий виклад змісту відповідної справи 1750 року, віднайденої у 1881 році відомим дослідником історії краю О.Андрієвським серед розсипу напівзітлілих документів архіву Київського губернського правління і опублікований у 1886 році в томі 14 "Записок Императорского Одесского общества истории и древностей". З огляду на більш повний виклад обставих цієї справи, викладених у нарисі А.Полницького, не виключено, що у О.Андрієвського були виписки і з інших дотичних до цієї справи документів, якими дослідник міг поділитися з А.Полницьким.

Додатково маємо зазначити, що на даний час у складі архівних документів Київської губернської канцелярії, що зберігається у фонді 59 Центрального державного історичного архіву України у місті Києві, цього питання побіжно стосуються лише дві невеликі за обсягом справи:

- Переписка Киевского генерал-губернатора с Крымским ханом Арслан-Гиреем об ограблении татарских купцов запорожскими казаками (27.03.1750 – 07.08.1750) – спр. № 1857, 26 арк.;

* 1750 г. Дело о разграблении татар гайдамаками при урочище Ягодная Долина Потоцкой сотни Миргородского полка // Материалы, касающиеся запорожцев, с 1715 по 1774 г. Сообщено А.Андреевским // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1886. — Т. 14, с. 709-715.

• Дело о разрешении покупки товаров находившимся в Запорожской Сечи татарам, получившим возмещение за убытки, нанесенные казаками при нападении у села Каменка (27.10.1750) – спр. № 1858, 7 арк.

Проте, судячи з їх змісту, при підготовці публікації зазначені справи не використовувалися:

Стосовно локалізації Ягідної долини та карантинного форпосту при Стрілецькому містку або Стрілецькій греблі – чи не єдине зображення останньої маємо на рукописному плані задніпрських володінь Келебердянської та Переволочанської сотень, надісланому до Полтавської полкової канцелярії при рапорті від 30 березня 1752 року сотників Григорія Штепи та Микити Козельського:

Стрілецька гребля на фрагменті рукописного плану задніпрських володінь Келебердянської та Переволочанської сотень Полтавського полку 1752 року (ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, спр. 11437, арк. 2)

Саме через Стрілецьку греблю при Омельнику (нині в центральній частині смт Онуфрієвки) здавна проходив шлях з Запорозької Січі до містечка Кременчука. Гребля слугувала також відправним пунктом зображеної на плані межі між правобережними володіннями Потоцької сотні Миргородського полку та Келебердянської сотні Полтавського полку, укладеної в 1720-х роках. Вочевидь у цей час тут несли службу ще стрільці куреня Миргородського полковника Данила Апостола, звідки і походить назва греблі.

Виходячи з закріпленого розмежування, вверх по Омельнику на плані зазначені хутори і греблі потоцьких козаків Росохи і Онофрія, ще далі (в районі Павлиша) – кременчуцького сотника. Вниз по Омельнику розміщувалися уже хутори козаків і старшини Келебердянської сотні. Ягідною долиною очевидно називали місцину на правобережжі Омельника, що знаходилася на миргородській стороні землеволодінь, або (не доїзджаючи містка) ліворуч від шляху на Кременчук.

В 2020 році Олександр Чуднов упорядкував також факсимільну підбірку видання однієї з найбільш об'ємних джерелознавчих праць А.Полницького, що під назвою "Историческая записка об открытии Елисаветградских духовных училищ" впродовж 1889–1890-х друкувалася на сторінках Херсонських єпархіальних відомостей. Підбірка супроводжується спогадами елисаветградської жительки Клавдії Флоровської про А.Полницького, який з багатодітною родиною проживав у місті Єлисаветграді, перебуваючи на посаді інспектора училища. На жаль, про час, коли були записані спогади не зазначено. Але вочевидь, що йдеться про початок 1900-х років, оскільки за віднайденим серед документів архіву Канцелярії Синоду послужним списком кінця XIX ст., А.Полницький згадується ще на посаді помічника наглядача Єлисаветградського духовного училища. А за відомостями про осіб, які перебували на службі в духовно-навчальних закладах Херсонської єпархії на початку 1900-1901 навчального року, в 1900 році був переміщений в Херсонське училище на посаду вчителя російської мови в старших класах (ХЕВ, 1900, № 17, 1 сентября, с. 24).

**Формулярный список о службе
помощника смотрителя Елисаветградского духовного училища
Анатолия Полницкого за 1899 год**

Статский советник Анатолий Ксенофонович Полницкий, помощник смотрителя Елисаветградского духовного училища, от роду 50 лет (родился 29-го июля 1849 года), вероисповедания православного.

Имеет ордена Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени и серебряную медаль в память в Бесе почивающего Императора Александра III, для ношения на груди на ленте ордена Св. Александра Невского.

Жалованья получает 1260 рублей в год, при казенной квартире.

Из духовного звания.

У него самого, родителей и у жены имения нет.

По окончании курса наук в Императорском Харьковском университете 1874 года по историко-филологическому факультету, по отделу исторических наук со степенью кандидата попечителем Киевского учебного округа определен исправляющим должность учителя русского и латинского языков в Златопольскую прогимназию 1874 года августа 31 дня.

Получил свидетельство на звание учителя истории и географии в гимназиях и прогимназиях 1875 года октября 31 дня.

Перемещен учителем истории и географии в той же прогимназии 1876 года июля 15 дня.

Получил третье не в зачет жалованье 1877 года июня 9 дня.

Поручено преподавание истории и географии в женской прогимназии 1877 года августа 12 дня.

Предложением попечителя Киевского учебного округа уволен от службы, согласно прошению, 1879 года сентября 3 дня.

Вследствие журнального определения Правления Елисаветградского духовного училища от 3-го октября 1879 года за № 38, согласно прошению его, вступил в должность учителя русского языка при Елисаветградском духовном училище 1879 года октября 8 дня.

Резолюцией Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного Платона, Архиепископа Херсонского и Одесского за № 416, последовавшей на журнале Правления училища от 3-го октября 1879 года, утвержден в должности учителя русского языка с церковно-славянским 1879 года ноября 3 дня.

Указом Правительствующего Сената от 16 мая 1880 года произведен в коллежские ассесоры со старшинством с 31 августа 1874 года – 1880 года мая 16 дня.

Состоял исправляющим должность помощника смотрителя Елисаветградского духовного училища с 1880 года марта 24 дня по 1881 год ноября 3 дня.

Вследствие представления Елисаветградского духовного училища от 29-го октября 1881 года за № 855 Высокопреосвященным Платоном, Архиепископом Херсонским и Одесским, утвержден в должности помощника смотрителя 1881 года ноября 4 дня, в каковой должности состоит и ныне.

Состоял делопроизводителем Елисаветградского духовного училища с 1880 года марта 20 дня по 1883 год июня 11 дня.

Согласно определения Правления училища от 24-го августа преподавал географию в III-м и IV-м классах с 1882 года сентября 1 дня.

С утверждения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного Никанора, Архиепископа Херсонского и Одесского, согласно 59 § Устава духовных училищ преподает Священную историю Ветхого и Нового Завета в I и во II классах училища с 1885 года октября 17 дня.

Указом Правительствующего Сената от 31 мая 1889 года за № 55 произведен в чин надворного советника со старшинством с 1878 года августа 31 дня.

По засвидетельствованию Начальства об отлично-усердной службе и особых трудах Всемилоостивейше награжден орденом Св. Станислава III степени 1889 года июня 16 дня.

Указом Правительствующего Сената от 4-го мая 1890 года за № 117 произведен в чин коллежского советника со старшинством с 1882 года августа 31 дня.

Указом Правительствующего Сената от 9-го апреля 1891 года за № 54 произведен в чин статского советника со старшинством с 1886 года августа 31 дня.

Получил серебрянную медаль в память в Бесе почивающего Императора Александра III-го, для ношения на груди на ленте ордена Св. Александра Невского, 1896 года декабря 26 дня.

В воздание усердной безпорочной службы в продолжение двенадцати лет сряду в одной и той же должности не ниже восьмого класса, по засвидетельствованию Начальства, награжден знаками ордена Св. Анны III степени 1898 года февраля 3 дня.

В штрафах, под следствием и под судом не был.

Был в отпуске с 20-го июня по 15-е августа 1897 года. Возвратился из отпуска 21-го августа 1897 года, вследствие болезни. Причина просрочки признана уважительной.

В отставке был с 3-го сентября по 8-е октября 1879 года.

Женат на дочери священника Олимпиаде Петровне Старжевской.

Дети их:

Петр (родившийся 1879 года июня 29-го дня);

Константин (родившийся 1881 года сентября 21-го дня);

Любовь (родившаяся 1883 года июня 8-го дня);

Надежда (родившаяся 1884 года декабря 29-го дня);

Вера (родившаяся 1886 года ноября 21-го дня);

Елена (родившаяся 1888 года июня 17-го дня);

Евдокия (родившаяся 1890 года февраля 17-го дня);

Анатолий (родившийся 1891 года октября 25-го дня);

Клеопатра (родившаяся 1894 года октября 15-го дня);

Борис (родившийся 1896 года сентября 5-го дня);

Зоя (родившаяся 1897 года октября 1-го дня).

Смотритель Елисаветградского духовного училища, священник Иннокентий Бобровницкий

Делопроизводитель Правления Елисаветградского духовного училища Михаил Ростовский

№ 665

В сем формулярном списке перенумерованных, скрепленных подписью и прошнурованных восемь (8) листов.
28 октября 1899-го года

Делопроизводитель Правления Елисаветградского
духовного училища Михаил Ростовский

[оттиск печати училища]

РГИА, ф. 796, оп. 438, д. 1826, лл. 52-57 об.